Л46
646

646
646

Русская Хрестоматія

Книга для изученія родного языка и первая ступень въ литературу

Составилъ

Э. П. Беме

В. С. Г.
САРАЕВСКІЙ ДѢТСКІЙ ДОМЪ
„——“ ——— 192— г.
№ 12/II.
Г. САРАЕВО.

Берлинъ 1918
Изданіе Т-ва И. П. Ладыжникова

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 27266 1964

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig.

1. Волкъ и журавль.

Подавился волкъ костью и не могъ выперхнуть. Онъ позвалъ журавля и сказалъ: «Ну-ка, ты, журавль: у тебя шея длинная; засунь ты мнѣ въ глотку голову и вытащи кость; я тебя награжу». Журавль засунулъ голову, вытащилъ кость и говоритъ: «Давай же награду!» Волкъ заскрипѣлъ зубами и говоритъ: «Или тебѣ мало награды, что я тебѣ голову не откусилъ, когда она у меня въ зубахъ была?» По Эзопу.

2. Воронъ и лисица.

Воронъ, схвативши мясо, сѣлъ на дерево. Лисица, увидѣвъ его и желая добыть мясо, стала его хвалить: какъ онъ статенъ, прекрасенъ и какъ болѣе всѣхъ ему пристало быть царемъ надъ птицами, что непремѣнно бы и сталось, если бъ у него былъ голосъ. Воронъ, бросивъ мясо, началъ громко кричать, а лисица, подбѣжавши, сказала: «О! воронъ, если бъ у тебя былъ еще и умъ, то у тебя было бы все, чтобъ быть царемъ».

По Эзопу.

3. Стрекоза и муравьи.

Осенью у муравьевъ подмокла пшеница, и они ее сушили. Голодная стрекоза попросила у нихъ корму. Муравьи сказали: «Что жъ ты лѣтомъ не собрала корму?»

Она сказала: «Недосугъ было — пѣсни пѣла». Они засмѣялись и говорятъ: «Если лѣтомъ играла, зимой пляши».

По Эзопу.

4. Муха.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ,
А муха у него сидѣла на рогахъ,

И муху же они дорогой повстрѣчали.
«Откуда ты, сестра?» отъ этой былъ вопросъ.

А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: «Откуда? Мы пахали!»

Дмитріевъ.

5. Лиса и ракъ.

Лиса говоритъ раку: «Давай съ тобой перегоняться». — «Что жъ, лиса, давай!» отвѣчаетъ ракъ. Начали перегоняться. Какъ только лиса побѣжала, ракъ уцѣпился лисѣ за хвостъ. Лиса до мѣста добѣжала, а ракъ не отцѣпляется; лиса обернулась посмотрѣть, вернула хвостомъ, — ракъ отцѣпился и говоритъ: «А я давно уже жду тебя тутъ».

Народная сказка.

6. Конь и быкъ.

На горячемъ конѣ гордо мчался смѣлый мальчикъ. Свирѣпый быкъ сказалъ коню: «Стыдись! Я бы не допустилъ мальчика управлять собой!» — «Отчего же нѣтъ?» возразилъ конь: «много ли чести въ томъ, что я сброшу мальчика?»

По Лессингу.

7. Дикій и ручной оселъ.

Дикій оселъ увидалъ ручного осла, подошелъ къ нему и сталъ хвалить его жизнь: какъ и тѣломъ-то онъ гладокъ, и какой ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ навьючили ручного осла да какъ сзади сталъ погонщикъ погонять его дубиной, дикій оселъ и говоритъ: «Нѣтъ, братъ, теперь не завидую: вижу, что твое житье тебѣ потомъ достается».

Л. Толстой.

8. Старый левъ и оселъ.

Сталъ левъ старъ, и пришла ему смерть. Пришли всѣ звѣри и стали вокругъ льва. Звѣрямъ было жутко и жалко, они стояли всѣ молча. Пришелъ, глупая голова, оселъ и сталъ плевать на льва, онъ сказалъ: «Я тебя прежде боялся, а теперь не боюсь, плюю на тебя». Звѣри взяли и убили осла. Л. Толстой.

9. Ежъ и ужъ.

Пришелъ разъ ежъ къ ужу и сказалъ: «Пусти меня, ужъ, въ свое гнѣздо на время». Ужъ пустилъ. Только какъ залѣзъ ежъ въ гнѣздо, не стало житья ужатамъ отъ ежа. Ужъ сказалъ ежу: «Я пустилъ тебя только на время, а теперь уходи, — ужата мои все колятся о твои иглы, и имъ больно». Ежъ сказалъ: «Тотъ уходи, кому больно, а мнѣ и тутъ хорошо». Л. Толстой.

10. Олень.

Олень подошелъ къ рѣчкѣ напиться, увидалъ себя въ водѣ и сталъ радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрѣлъ и говоритъ: «Только ноги мои плохи и жидки». Вдругъ выскочи левъ и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Онъ уходилъ, а какъ пришелъ въ лѣсъ, запутался рогами за сучья, и левъ схватилъ его. Какъ пришло погибать оленю, онъ и говоритъ: «То-то глупый я! Про кого думалъ, что плохи и жидки, тѣ спасали, а на кого радовался, отъ тѣхъ пропалъ». Л. Толстой.

11. Мыши.

Пришла важная мышь изъ города къ простой мыши. Простая мышь жила въ полѣ и дала своей гостьѣ, что было: гороха и пшеницы. Важная мышь погрызла и сказала: «Оттого ты и худа, что житье твое бѣдное, приходи ко мнѣ, посмотри, какъ мы живемъ».

Вотъ пришла простая мышь въ гости. Дождались подъ поломъ ночи. Люди поѣли и ушли. Важная мышь ввела изъ щели свою гостью въ горницу, и обѣ влѣзли на столъ. Простая мышь никогда не видала такой ѣды и не знала, за что взяться. Она сказала: «Твоя правда, наше житье плохое. Я перейду также въ городъ жить». Только она сказала это, затрясся столъ, и въ двери вошелъ человѣкъ со свѣчкой и сталъ ловить мышей. Насилу онѣ ушли въ щелку. «Нѣтъ», говоритъ полевая мышь, «мое житье въ полѣ лучше. Хоть у меня сладкой ѣды и нѣтъ, да за то я и страха такого не знаю». Л. Толстой.

12. Нищій и собака.

Большой боярскій дворъ собака стерегла.
Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала.
«Умилосердись надо мною!»
Съ боязнью, шопотомъ бѣднякъ ее молилъ:
«Я сутки ужъ не ѣлъ . . . отъ глада умираю!»
— «Затѣмъ-то я и лаю»,
Собака говоритъ, «чтобъ ты накормленъ былъ».
Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной какъ звѣрь, а добръ; тотъ ласковъ, а кусаетъ. Дмитріевъ.

13. Лошадь и хозяева.

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобы ей перейти къ другому хозяину. Такъ и сдѣлалось. Садовникъ продалъ лошадь горшечнику. Лошадь была рада, но у горшечника еще больше прежняго стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей къ лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечникъ продалъ лошадь кожевнику. Вотъ какъ увидала лошадь на кожевенномъ дворѣ конины шкуры, она и завыла: «Охъ, горе мнѣ бѣдной! Лучше бъ у прежнихъ хозяевъ оставаться: теперь ужъ, видно, не на работу продали меня, а на шкуру». Л. Толстой.

14. Лиса и козелъ.

Бѣжала лиса, зазѣвалась на воронъ — и попала въ колодецъ. Воды въ колодцѣ было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидитъ лиса, горюетъ. Идетъ козелъ, умная голова; идетъ бородищей трясетъ, рожищами мотаетъ: заглянулъ отъ нечего дѣлать въ колодецъ, увидалъ тамъ лису и спрашиваетъ: «Что ты тамъ, лисанька, подѣлываешь?» — «Отдыхаю, голубчикъ», отвѣчаетъ лиса: «тамъ на верху жарко, такъ я сюда забралась. Ужъ какъ здѣсь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой — сколько хочешь». А козлу давно пить хочется. «Хороша ли вода-то?» спрашиваетъ козелъ. — «Отличная», отвѣчаетъ лиса: «чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здѣсь обоимъ намъ мѣсто будетъ». Прыгнулъ сдуру козелъ, чуть лисы не задавилъ, а она ему: «Эхъ, бородатый дурень! и прыгнуть-то не умѣлъ — всю обрыз-

галъ». Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вонъ изъ колодца. Чуть было не пропалъ козелъ съ голоду въ колодцѣ; насилу-то его отыскали и за рога вытащили. Народная легенда.

15. Два рака.

«Все пятится назадъ! Куда, какой дуракъ!»
Журилъ такъ сына старый ракъ:
«Впередъ ступай, впередъ, не то я драться стану».

— «Да покажите вы мнѣ, батюшка, хоть разъ,
Какъ надобно ходить; я перейму у васъ:
Извольте вы впередъ, а я ужъ не отстану».

Измайловъ.

16. Дубъ и орѣшникъ.

Старый дубъ уронилъ съ себя жолудь подъ кустъ орѣшника. Орѣшникъ сказалъ дубу: «Развѣ мало простора подъ твоими сучьями? Ты бы ронялъ свои жолуди на чистое мѣсто. Здѣсь мнѣ самому тѣсно для моихъ отростковъ, и я самъ не бросаю на земь своихъ орѣховъ, а отдаю ихъ людямъ». — «Я живу двѣсти лѣтъ», сказалъ на это дубъ, «и дубокъ изъ этого жолудя проживетъ столько же». — Тогда орѣшникъ разсердился и сказалъ: «Такъ я заглушу твой дубокъ, и онъ не переживетъ и трехъ дней». — Дубъ ничего не отвѣтилъ, а велѣлъ расти своему сынку изъ жолудя.

Жолудь намокъ, лопнулъ и уцѣпился крючкомъ ростка въ землю, а другой ростокъ пустилъ кверху. Орѣшникъ глушилъ его и не давалъ солнца. Но дубокъ тянулся кверху и сталъ сильнѣе въ тѣни орѣшника. Прошло сто лѣтъ. Орѣшникъ давно засохъ, а дубъ изъ жолудя поднялся до неба и раскинулъ шатеръ на всѣ стороны. Л. Толстой.

17. Дикій цвѣтокъ.

Простой цвѣточекъ дикій
Нечаянно попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой.
И что же? Отъ нея душистымъ сталъ и самъ.
Хорошее знакомство въ прибыль намъ.

Дмитріевъ.

18. Срубленное дерево.

Изъ всего растительнаго царства дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участіе. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня и, наконецъ, многосторонняя польза и красота его — должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду . . . Но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ; а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ . . .

Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большого, подрубленнаго дерева. Въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; по мѣрѣ того какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе . . . еще ударъ — послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ будто задумается, куда упасть, и наконецъ на-

чнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо и потомъ, съ возрастающей быстротой и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю . . . Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты и въ нѣсколько минутъ гибнетъ нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка! С. Аксаковъ.

19. Два колосика.

Будто солнце улыбаясь
На соломкѣ молодой
Дремлетъ, медленно качаясь,
Ржи колосикъ золотой.

Весь съ рогами, какъ улитка
Жизни внутренней полна,
Онъ пригнулся отъ избытка
Полновѣснаго зерна.

А вблизи, поднявшись важно,
Смотритъ чопорно другой,
Все лишь кверху, такъ отважно,
Такъ и видно, что пустой. Жуковскій.

20. Ахъ, кабы на цвѣты . . .

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я во чисто поле.
И я батюшкѣ говорила:
Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы;

Не съ хоромами жить — съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ — со свѣтомъ.

Народная пѣсня.

21. Лгунъ.

Мальчикъ стерегъ овецъ и, будто увидавъ волка, сталъ звать: «Помогите, волкъ! волкъ!» Мужики прибѣжали и видятъ: неправда. Какъ сдѣлалъ онъ такъ и два и три раза, случилось — и вправду набѣжалъ волкъ. Мальчикъ сталъ кричать: «Сюда, сюда скорѣй, волкъ!» Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманываетъ, — не послушали его. Волкъ видитъ, бояться нечего: на просторѣ перерѣзалъ все стадо.

Л. Толстой.

22. Лѣстница.

Стояла лѣстница однажды у стѣны.
Хотя ступени всѣ между собой равны,
Но верхняя ступень предъ нижними гордилась.

Шелъ мимо человѣкъ: на лѣстницу взглянулъ,
Схватилъ ее, перевернулъ, —
И верхняя ступень внизу ужъ очутилась.

Измайловъ.

23. Мужикъ и водяной.

Мужикъ уронилъ топоръ въ рѣку, съ горя сѣлъ на берегъ и сталъ плакать. Водяной услыхалъ, пожалѣлъ мужика, вынесъ ему изъ рѣки золотой топоръ и говоритъ: «Твой это топоръ?» Мужикъ говоритъ: «Нѣтъ, не мой». Водяной вынесъ другой, серебряный топоръ. Мужикъ опять говоритъ: «Не мой топоръ». Тогда водяной вынесъ настоящій. Мужикъ говоритъ: «Вотъ это мой топоръ». Водяной подарилъ мужику всѣ три топора за его правду. Дома мужикъ пока-

залъ товарищамъ топоры и разсказалъ, что съ нимъ было. Вотъ одинъ мужикъ задумалъ то же сдѣлать: пошелъ къ рѣкѣ, нарочно бросилъ свой топоръ въ воду, сѣлъ на берегъ и заплакалъ. Водяной вынесъ золотой топоръ и спросилъ: «Твой это топоръ?» Мужикъ обрадовался и закричалъ: «Мой, мой!» Водяной не далъ ему золотого топора и его собственнаго назадъ не отдалъ — за его неправду. Л. Толстой.

24. Мать и дочь.

У одной женщины умерла дѣвочка Анночка. Мать съ горя не пила, не ѣла и три дня и три ночи плакала. На третью ночь мать уснула. И видѣла мать во снѣ, что будто Анночка вошла къ ней и въ рукѣ держитъ кружечку. — Что ты, Анночка? И зачѣмъ у тебя кружечка? — А я въ эту кружечку, мамочка, всѣ твой слезы собрала. Видишь, кружечка верхомъ полна. Не плачь больше. Если ты еще по мнѣ плакать будешь, то лишнія слезы черезъ край на землю падутъ, и тогда мнѣ на томъ свѣтѣ дурно будетъ. Мнѣ теперь хорошо тамъ.

Мать съ тѣхъ поръ больше не плакала по своей дочкѣ.

Она рада была, что ей хорошо на томъ свѣтѣ.

Л. Толстой.

25. Зеленѣйся, садъ!

Зеленѣйся, зеленѣйся,
Мой зеленый садъ!
Расцвѣтайте, расцвѣтайте,
Мои алые цвѣточки!
Поспѣвайте, поспѣвайте,
Вкусны ягоды, скорѣй!

Ко мнѣ будутъ, ко мнѣ будутъ
Мои гости дорогіе,
Сударь батюшка родимый
Будетъ по саду ходити,
Спѣлы ягоды щипати,
Меня младу похваляти,
Что горазда садъ садити,
Что горазда поливати,
Отъ мороза укрывати.

Народная пѣсня.

26. Слѣпой и молоко.

Одинъ слѣпой отъ роду спросилъ зрячаго: какого цвѣта молоко? Зрячій сказалъ: цвѣтъ молока такой, какъ бумага бѣлая. Слѣпой спросилъ: а что, этотъ цвѣтъ такъ же шуршитъ подъ руками, какъ бумага? Зрячій сказалъ: нѣтъ, онъ бѣлый, какъ мука бѣлая. Слѣпой спросилъ: а что, онъ такой же мягкій и сыпучій, какъ мука? Зрячій сказалъ: нѣтъ, онъ просто бѣлый, какъ заяцъ-бѣлякъ. Слѣпой спросилъ: что же, онъ пушистый и мягкій, какъ заяцъ? Зрячій сказалъ: нѣтъ, бѣлый цвѣтъ такой точно, какъ снѣгъ. Слѣпой спросилъ: что же, онъ холодный, какъ снѣгъ? И сколько примѣровъ зрячій ни говорилъ, слѣпой не могъ понять, какой бываетъ бѣлый цвѣтъ молока.

Л. Толстой.

27. Бѣдный портной.

Въ одномъ домѣ жили на верху богачъ баринъ, а внизу бѣдный портной. Портной за работой все пѣлъ пѣсни и мѣшалъ барину спать. Баринъ далъ портному мѣшокъ денегъ, чтобъ онъ не пѣлъ. Портной сталъ богатъ и все стерегъ свои деньги, а пѣть ужъ не сталъ. И стало ему скучно; онъ взялъ деньги и снесъ ихъ назадъ

барину и сказалъ: «Возьми свои деньги назадъ, а мнѣ ужъ позволь пѣсни пѣть, а то на меня напала тоска». Л. Толстой.

28. Мы вокругъ поля ходили.

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорій ты нашъ храбрый!
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго. Народная пѣсня.

29. Справедливый царь.

Одинъ царь строилъ себѣ дворецъ и передъ дворцомъ сдѣлалъ садъ. Но на самомъ въѣздѣ въ садъ стояла избушка, и жилъ бѣдный мужикъ. Царь хотѣлъ эту избушку снести, чтобы она сада не портила, и послалъ своего министра къ бѣдному мужику, чтобы купилъ избушку. Министръ пошелъ къ мужику и сказалъ: «Ты счастливъ, царь хочетъ твою избушку купить. Она десяти рублей не стоитъ, а царь тебѣ сто даетъ». — Мужикъ сказалъ: «Нѣтъ, я избушку за сто рублей не продамъ». Министръ сказалъ: «Ну, такъ царь двѣсти даетъ». — Мужикъ сказалъ: «Ни за двѣсти, ни за тысячу не отдамъ. Мой дѣдъ и отецъ въ избушкѣ этой жили и померли, и я въ ней старъ сталъ и умру, Богъ дастъ». — Министръ пошелъ къ царю и сказалъ:

«Мужикъ упрямъ, ничего не беретъ. Не давай же, царь, мужику ничего, а вели снести избушку даромъ. Вотъ и все».

Царь сказалъ: «Нѣтъ, я этого не хочу». — Тогда министръ сказалъ: «Какъ же быть! Развѣ можно противъ дворца гнилой избушкѣ стоять? Всякій взглянетъ на дворецъ, скажетъ: хорошъ бы дворецъ, да избушка портитъ. Видно, скажетъ, у царя денегъ не было избушку купить». — А царь сказалъ: «Нѣтъ, кто взглянетъ на дворецъ, тотъ скажетъ: Видно у царя денегъ много было, что такой дворецъ сдѣлалъ; а взглянетъ на избушку, скажетъ: Видно въ царѣ этомъ и правда была. Оставь избушку». Л. Толстой.

30. Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ;
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
«Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно,
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя». Жуковскій.

31. Чудо на мельницѣ.

Пришелъ нищій на мельницу и сталъ просить у мельника святую милостыньку. «Ступай, ступай», говоритъ мельникъ: «много васъ таскается; всѣхъ не накормишь». Такъ онъ ничего и не далъ нищему.

Въ это время привезъ мужикъ на мельницу смолоть небольшой мѣшокъ ржи. Увидалъ онъ нищаго, и жаль ему стало. «Подь сюда, я тебѣ дамъ», говоритъ онъ, и сталъ отсыпать ему изъ мѣшка своей ржи. Отсыпалъ почти съ мѣрку, а нищій все мѣшокъ держитъ. «Что? али еще отсыпать?» спрашиваетъ мужикъ. — «Да если будетъ ваша милость!» отвѣчалъ нищій. «Ну, пожалуй», говоритъ мужикъ, и отсыпалъ еще мѣрку; а нищій все подставляетъ мѣшокъ свой. Отсыпалъ ему мужикъ и въ третій разъ, и осталось у него самого зерна самая малость.

«Дуракъ!» думаетъ мельникъ, глядя на него: «Сколько отдалъ! Вѣдь еще мнѣ за помолъ отсыпать надо . . . Что ему-то останется?»

Ушелъ нищій. Взялъ мельникъ у мужика рожь, засыпалъ и сталъ молоть.

Прошло уже много времени, а мука все сыплется да сыплется. Что за диво? Зерна у мужика всего осталось не болѣе четверти, а муки ужъ четвертей двадцать намололось, и все сыплется да сыплется! . . .

И понялъ тогда мельникъ, что нищій тотъ былъ ангелъ Божій. Народная легенда.

32. Счастье.

Въ тридесятомъ царствѣ, за тридевять земель, у сильнаго, могучаго и богатаго царя была однимъ-одна дочь, въ которой онъ души не чаялъ; и на ту страну напало, попущеніемъ Божіимъ, злое моровое повѣтріе, отъ котораго многое множество народа погибло. Вотъ и дочь царская заболѣла отъ этого морового повѣтрія, отъ котораго не могъ избавиться зеліями и снадобьями ни одинъ человѣкъ: а кто заболѣетъ, тотъ и помретъ.

Сталъ царь вызывать со всѣхъ концовъ царства знахарей, которые собираютъ зелія и травы и коренья цѣлебные, и обѣщалъ осыпать золотомъ того, кто вылѣчитъ его дочь. Одинъ, никому неизвѣстный старикъ явился къ царю и сказалъ ему: «коли хочешь, чтобъ дочь твоя жива была, то прикажи найти въ своемъ царствѣ довольнаго и счастливаго человѣка, который былъ бы доволенъ и счастливъ своей судьбой и ничего бы болѣе не просилъ; съ этого человѣка сыми рубаху и надѣнь ее на царевну, и она оживетъ».

И побѣжали гонцы во всѣ концы царства, изъѣздили всѣ города, палаты и дворцы, всѣ барскія усадьбы и крестьянскія избы — всѣ углы и закоулки, всѣ улицы и переулки, торные пути и захолустья, рѣдняки и трущобы, города и пригороды, села, приселки и выселки — нѣтъ у сильнаго, могучаго царя счастливаго и довольнаго подданнаго! Кто и доволенъ бы судьбой, да денегъ мало; кто и богатъ, да хотѣлось бы еще быть побогаче; у кого семья хороша да сосѣди не годятся; кто работы проситъ, кто досужества; кто знати, кто богатства, кто здоровья!

Царь неутѣшно скорбѣлъ и въ отчаяніи уже прощался съ дочерью своею, какъ вдругъ раздались крики: «нашли, нашли!» Дворецъ царскій ровно снова ожилъ, и стѣны, и простѣнки, и золоченая кровля, и богатые подвалы, все и всюду ожило, всѣ радовались, что царевна спасена будетъ, и всѣ тѣснились и толпились, чтобы видѣть блаженнаго и счастливаго. Кто онъ? гдѣ онъ? Подайте его сюда, покуда еще время; да гдѣ его отыскали, отколѣ онъ взялся?... Что нужды до этого — благо нашли и привели: онъ здѣсь — и царевна будетъ спасена. Ни въ

каретѣ онъ, ни въ шелку — а пѣшій, въ худой одеждѣ.

— Я тебя озолочу, сказалъ ему царь, и покупаю одну только рубашку твою за какую хочешь цѣну: проси, что хочешь.

— Да у меня и рубахи-то нѣтъ, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ нѣтъ? рубахи нѣтъ? сыми съ себя, отдай мнѣ послѣднюю, я тебя за это золотомъ засыплю!

— Да то-то нѣтъ ея, нѣтъ ни на мнѣ, ни за мною! Была когда-то давно, да вся истлѣла, износилась — я ее и кинулъ. Даль.

33. Утка, какъ мать.

Утка — самая горячая мать. Когда собака или человѣкъ спугнетъ ее съ гнѣзда, для чего надобно почти наступить на него, то она притворяется какою-то хворою или не умѣющею летать: трясется на одномъ мѣстѣ, безпрестанно падаетъ, такъ что, кажется, стоитъ только погнаться, чтобъ ее поймать. Рѣдкая собака не поддастся обману и не погонится за ней. Обыкновенно утка уводитъ собаку за версту и болѣе; но охотнику хорошо извѣстно, что значатъ такія продѣлки: утка, отведя собаку въ сторону, скоро воротится назадъ, налетитъ на охотника и все же будетъ убита. Еще большую горячность показываетъ утка къ своимъ утятамъ: если какъ-нибудь застанетъ ее человѣкъ, плавающую съ своею выводкой на открытой водѣ, то утята съ жалобнымъ пискомъ, какъ будто приподнявшись надъ водою, точно бѣгутъ по ней, бросаются стремглавъ къ ближайшему камышу и проворно прячутся въ немъ; а матка, шлепая по водѣ крыльями и оглашая воздухъ особеннымъ тревожнымъ кри-

комъ, начнетъ кружиться передъ человѣкомъ, привлекая все его вниманіе на себя и отводя въ противоположную сторону отъ дѣтей. С. Аксаковъ.

34. Чадолюбіе медвѣдицы.

Чадолюбіе медвѣдицы извѣстно: она весьма заботливая мать и нерѣдко съ самоотверженіемъ защищаетъ своихъ дѣтей. Я видѣлъ свѣжую шкуру медвѣдицы, которая едва не стоила жизни двумъ охотникамъ. Двое верховыхъ съ ружьями наѣхали въ лѣсу на медвѣжонка, стоявшаго смирно подъ кустомъ, между тѣмъ какъ охотники долгое время разсматривали его и не рѣшались, что дѣлать. Но какъ медвѣдицы не было видно нигдѣ, то одинъ изъ охотниковъ вздумалъ подъѣхать къ медвѣжонку, а затѣмъ, нагнувшись съ лошади, схватилъ его за загривокъ и хотѣлъ съ нимъ ускакать. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ медвѣдица сидѣла уже за нимъ, на забедрахъ коня его, который подломился и присѣлъ на заднія ноги. Бросивъ медвѣжонка, охотникъ выхватилъ топоръ изъ-за пояса и ударилъ звѣря обухомъ на-отмашь, позади себя. Медвѣдица ошалѣла немного, спустилась съ лошади, но поймавъ ее лапами за хвостъ, начала ее теребить и ревѣть. Тутъ же взяли и медвѣжонка. Даль.

35. Воробей.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня. Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собой дичь. Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ

березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва прораставшія крылышки. Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой — и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти. Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище . . . но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою! Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И, все-таки, онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ . . . Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда. Мой Трезоръ остановился, попятился ... Видно, и онъ призналъ эту силу. Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса — и удалился, благоговѣя. Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ. Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти. — Только ею, только любовью держится и движется жизнь. Тургеневъ.

36. Зерно съ куриное яйцо.

Нашли разъ ребята въ оврагѣ штучку съ куриное яйцо съ дорожкой посединѣ и похожее на зерно. Увидалъ у ребятъ штучку проѣзжій, купилъ за пятакъ, повезъ въ городъ, продалъ царю за рѣдкость.

Позвалъ царь мудрецовъ, велѣлъ имъ узнать, что за штука такая — яйцо или зерно? Думали, думали мудрецы — не могли отвѣта дать. Лежала эта штучка на окнѣ, влетѣла курица, стала клевать, проклевала дыру; всѣ и увидали, что

— зерно. Пришли мудрецы и сказали царю: «Это — зерно ржаное».

Удивился царь. Велѣлъ мудрецамъ узнать, гдѣ и когда это зерно родилось. Думали, думали мудрецы, искали въ книгахъ, — ничего не нашли. Пришли къ царю, говорятъ: «Не можемъ дать отвѣта. Въ книгахъ нашихъ ничего про это не написано; надо у мужиковъ спросить, не слыхалъ ли кто отъ стариковъ, когда и гдѣ такое зерно сѣяли?»

Послалъ царь, велѣлъ къ себѣ стараго старика, мужика, привести. Разыскали старика стараго, привели къ царю. Пришелъ старикъ, зеленый, беззубый, насилу вошелъ на двухъ костыляхъ.

Показалъ ему царь зерно, да не видитъ ужъ старикъ; кое-какъ половину разглядѣлъ, половину руками ощупалъ.

Сталъ царь его спрашивать: «Не знаешь ли, дѣдушка, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ полѣ не сѣвалъ ли хлѣба такого, или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?»

Глухъ былъ старикъ, насилу-насилу разслушалъ, насилу-насилу понялъ. Сталъ отвѣтъ держать: «Нѣтъ, говоритъ, на своемъ полѣ хлѣба такого сѣвать не сѣвалъ, и жинать не жиналъ, и покупывать не покупывалъ. Когда покупали хлѣбъ, все такое же зерно мелкое было. А надо, говоритъ, у моего батюшки спросить: можетъ онъ слыхалъ, гдѣ такое зерно рожалось?»

Послалъ царь за отцомъ старика, велѣлъ къ себѣ привести. Нашли и отца старикова, привели къ царю. Пришелъ старикъ старый на одномъ костылѣ. Сталъ ему царь зерно показывать. Старикъ еще видитъ глазами, хорошо разглядѣлъ. Сталъ царь его спрашивать: «Не

знаешь ли, старичокъ, гдѣ такое зерно родилось? или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?»

Хоть и крѣпонекъ на ухо былъ старикъ, а разслышалъ лучше сына. «Нѣтъ, говоритъ, на своемъ полѣ такого зерна сѣвать не сѣвалъ и жинать не жиналъ. А покупать не покупывалъ, потому что на моемъ вѣку денегъ еще и въ заводѣ не было. Всѣ своимъ хлѣбомъ кормились, а по нуждѣ — другъ съ дружкой дѣлились. Не знаю я, гдѣ такое зерно родилось. Хоть и крупнѣе теперешняго и умолотнѣе наше зерно было, а такого видать не видалъ. Слыхалъ я отъ батюшки, — въ его время хлѣбъ лучше противъ нашего раживался и умолотнѣй, и крупнѣй былъ. Его спросить надо».

Послалъ царь за отцомъ стариковымъ. Нашли и дѣда, привели къ царю. Вошелъ старикъ къ царю безъ костылей; вошелъ легко; глаза свѣтлые, слышитъ хорошо и говоритъ внятно. Показалъ царь зерно дѣду. Поглядѣлъ дѣдъ, повертѣлъ.

— Давно, говоритъ, не видалъ я стариннаго хлѣбушка. — Откусилъ дѣдъ зерна, пожевалъ крупинку. — Оно самое, говоритъ.

— Скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ и когда такое зерно раживалось? На своемъ полѣ не сѣвалъ ли такой хлѣбъ, или на твоемъ вѣку гдѣ у людей не покупывалъ ли?

И сказалъ старикъ: «Хлѣбъ такой на моемъ вѣку вездѣ раживался. Этимъ хлѣбомъ, говоритъ, я вѣкъ свой кормился и людей кормилъ. Это зерно и сѣялъ, это и жалъ, это и молотилъ».

И спросилъ царь: «Скажи же мнѣ, дѣдушка, покупалъ ли ты гдѣ такое зерно, или самъ на своемъ полѣ сѣялъ?»

Усмѣхнулся старикъ. «Въ мое время, говоритъ, и вздумать никто не могъ такого грѣха, чтобы хлѣбъ продавать, покупать, а про деньги и не знали; хлѣба у всѣхъ своего вволю было».

И спросилъ царь: «Такъ скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ ты такой хлѣбъ сѣялъ и гдѣ твое поле было?»

И сказалъ дѣдъ: «Мое поле было — земля Божья, гдѣ вспахалъ, тамъ и поле. Земля вольная была. Своей землю не звали. Своимъ только труды свои называли».

— Скажи же, — говоритъ царь, — мнѣ еще два дѣла: одно дѣло — отчего прежде такое зерно рожалось, а нынче не родится? А другое дѣло — отчего твой внукъ шелъ на двухъ костыляхъ, сынъ твой пришелъ на одномъ костылѣ, а ты вотъ пришелъ и вовсе легко; глаза у тебя свѣтлые, и зубы крѣпкіе, и рѣчь ясная и привѣтная? Отчего, скажи, дѣдушка, эти два дѣла сталися?

И сказалъ старикъ: «Оттого оба дѣла сталися, что перестали люди своими трудами жить, — на чужіе стали зариться. Въ старину не такъ жили: въ старину жили по-Божьи; своимъ владали, чужимъ не корыстовались». Л. Толстой.

37. Лебедь, щука и ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ:
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:

Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, — судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ. Крыловъ.

38. Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей до-сыта, до-отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала,
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ»,
Ей съ дубу воронъ говоритъ:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».
— «Пусть сохнетъ», говоритъ свинья:
«Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю».
— «Неблагодарная!» примолвилъ дубъ ей тутъ:
«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ».

Невѣжа такъ же въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Крыловъ.

39. Мартышка и очки.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;

Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тьфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про очки лишь мнѣ налгали;
А проку на-волосъ нѣтъ въ нихъ».
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ. Крыловъ.

40. Квартетъ.

Проказница-мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка,
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки,
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ,
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я, прима, сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.

— «Постойте жъ, я сыскалъ секретъ»,
Кричитъ оселъ: «мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
— «Пожалуй», говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»
— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй»,
Имъ отвѣчаетъ соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь». Крыловъ.

41. Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая,
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется;
Отъ ней по мостовой и стукотня и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши издалека.
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку,

Кто дѣловъ истинно, — тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму. Крыловъ.

42. Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался,
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ —
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: «Такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.
Крыловъ.

43. Ларчикъ.

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.

Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: — «Ларецъ съ [секретомъ;
Такъ; онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ изподтишка!
Я отыщу секретъ, и ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою».
Вотъ за ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
«Не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, никакъ не догадался:
А ларчикъ просто открывался. Крыловъ.

44. Вельможа.

Какой-то, въ древности, вельможа
Съ богато убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе, — умеръ онъ;
И, такъ какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: — «Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?»
«Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но, такъ какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ».
— «Что жъ дѣлалъ ты?» — «Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ».
— «Скорѣй же въ рай его!» — «Какъ! гдѣ же справедливость?»

Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— «Эхъ, братецъ!» отвѣчалъ Эакъ:
«Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь, развѣ, ты? Покойникъ былъ дуракъ!
Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью,
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край! . . .
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался».

Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю! Крыловъ.

45. Три мужика.

Три мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли;
Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину держали.
А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Въ деревнѣ что за разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы въ Питерѣ, — да не о томъ ужъ рѣчь;
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ мужички перекрестились
И къ чашѣ пріютились.
Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,
Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
«Ребята», говоритъ: «вы знаете Ѳому,
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забреютъ лобъ ему».
— «Какой наборъ?» — «Да такъ. — Есть слухъ — война
съ Китаемъ:

Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ».
Тутъ двое принялись судить и разсуждать —
(Они же грамотѣ, къ несчастью, знали:
Газеты и, подъ-часъ, реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А нашъ того, лукавецъ, и хотѣлъ:
Пока они судили, да рядили,
Да войска разводили,
Онъ ни гугу — и щи и кашу, все пріѣлъ.

Иному, до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего,
Что будетъ съ Индіей, когда и отъ чего,
Такъ ясно для него;
А поглядишь — у самого
Деревня между глазъ сгорѣла. Крыловъ.

46. Демьянова уха.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай».
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло». — «Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на-славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ». — «И, полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты, —
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.

— Однако же еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «Зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку, —
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи. Крыловъ.

47. Дѣтство.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Мама говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая . . . лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все такъ же ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такою крошечною. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ врачкахъ, но я пошевелился, и очарованіе разруши-

лось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька! — говоритъ мнѣ мама. — Ты бы лучше шелъ наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша, — отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, впросонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее, и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко-крѣпко прижмешь ее къ губамъ. Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; мама сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своей чудесной нѣжной ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ:

«Вставай, моя душечка; пора идти спать». Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ея: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

«Вставай же, мой ангелъ!»

Она другою рукою береть меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь?

Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ:

— Смотри, люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ея? . . . Не забудешь, Николенька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно, и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! — вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни; и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ, — слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимою матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство. Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце, на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастіе. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Иванычѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ — и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастія, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать . . . Потомъ любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастія всѣмъ, чтобы всѣ были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ. Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели — невинная веселость и безпредѣльная потребность любви — были единственными побужденіями въ жизни? Гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучшій даръ — тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію. Неужели жизнь оставила такіе тяжкіе слѣды

въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?

Л. Толстой.

48. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрас-
Баюшки-баю! [ный,
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши
глазки,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой;
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой . . .
Сколько горькихъ слезъ
украдкой
Я въ ту ночь пролью! . . .
Спи, мой ангелъ, тихо,
Баюшки-баю. [сладко,

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на бе
регъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой — старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю . . .
Спи жъ, пока заботъ не
знаешь,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь — будетъ время —
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью . . .
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою . . .
Спи, младенецъ мой пре-
Баюшки-баю. [красный,

Лермонтовъ.

49. Сонъ Обломова.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ, удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь, разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару? Потомъ взяла его за руку и подвела его къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени. — Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы. — Пойдемъ, душенька, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова. Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю. Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какія-то старушки и старички. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломова подхватили Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва

успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, со строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное, не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурною репутаціей. Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеною потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужъ давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покрывшимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и съ запущеннымъ садомъ. Ему страхъ хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобъ посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галлерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только «людямъ», а господа не ходятъ. Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и уже направился было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ ужъ надо было спѣшить разрушать его замыслы влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и, чего Боже сохрани, въ оврагъ. — Ахъ ты, Господи, что за ребенокъ, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! говорила нянька.

И цѣлый день и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ,

то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность: этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи, и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ быть, угасла бы давнымъ-давно.

Не все рѣзвъ, однакожъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно; солнце еще невысоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галлереи — отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только вдали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно. — Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло? спрашивалъ ребенокъ. — Оттого, батюшка, что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, а по землѣ, рядомъ съ нимъ, шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ — и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери: — Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! Уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку — будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ. — У! баловень! тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо. Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ

и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена, да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она, или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ . . . На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней, съ ведрами, корытами и кувшинами, бабы, кучера. А тамъ, старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ. — Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ? спроситъ онъ идущаго по двору человѣка. — Несу ножи точить въ людскую, отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ на барина. — Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи! — Потомъ остановитъ бабу: — Эй, баба! Баба! Куда ходила? — Въ погребъ, батюшка, говорила она останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно: — молока къ столу достать. — Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ. — Да смотри, не пролей молоко-то. А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ. — Вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ, въ прихожую! И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняжка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собою Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу, или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался, или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна, напомнить о томъ, прибавить это, или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья, и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! Какая птица воспитывалась! Сколько тонкихъ соображеній, сколько занятій и заботъ въ ухаживаніи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляли висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! Какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ коли-

чествомъ муки и яицъ: на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитій. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ, послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина — все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита — всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ, въ саду, подлѣ своей пашни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры, благо не на кого было лаять. Можно

было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, если бъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво, только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ спросонья и, почавкавъ губами, или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ, чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, несмотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость, потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню. Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба, или просто на травкѣ; повидимому съ тѣмъ, чтобы вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. «Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею», думала она почти сквозь сонъ: «или еще . . . какъ бы въ оврагъ . . .» Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое

храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь.

Онъ былъ какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ; остановится и осмотритъ пристально, какъ кто очнется, плюнетъ и промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нее соломинку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву, и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву: роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота: ему бы хотѣлось въ березнякъ; онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ, по дорогѣ, а прямо, черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ вулкана . . . но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его обуялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами

тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать; въ природѣ стало все поживѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу. И въ домѣ мало-по-малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ рождали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка; наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго. Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ива-

новну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей; но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму: все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя . . . и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть, или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ

зерно преступной мысли, и когда . . . въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и спокойно. — Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша. — Что ты, Богъ съ тобой! Теперь гулять! отвѣчаетъ она: — сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей. — Куда онъ уноситъ? Какой онъ бываетъ? Гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ постель. — Вотъ день-то и прошелъ, и славу Богу! говорили обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. — Прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ! Слава тебѣ, Господи! Слава тебѣ, Господи!

Гончаровъ.

50. О, моя юность! . . .

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка, — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинёшенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью; рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города, — ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ

и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, — и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады и онъ покажется весь, съ своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшою сестрицею, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріютно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О, моя юность! о, моя свѣжесть!

Гоголь.

51. Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена?
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

Пушкинъ.

52. Ванька.

Ванька Жуковъ, девятилѣтній мальчикъ, отданный три мѣсяца тому назадъ въ ученье къ сапожнику Аляхину, въ ночь подъ Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли къ заутренѣ, онъ досталъ изъ хозяйскаго шкапа пузырекъ съ чернилами, ручку съ заржавленнымъ перомъ и, разложивъ передъ собой измятый листъ бумаги, сталъ писать. Прежде чѣмъ вывести первую букву, онъ нѣсколько разъ пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образъ, по обѣ стороны котораго тянулись полки съ колодками, и прерывисто вздохнулъ. Бумага лежала на скамьѣ, а самъ онъ стоялъ передъ скамьей на колѣняхъ.

«Милый дѣдушка, Константинъ Макарычъ! — писалъ онъ. — И пишу тебѣ письмо. Поздравляю васъ съ Рождествомъ и желаю тебѣ всего отъ Господа Бога. Нѣту

у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня одинъ остался».

Ванька перевелъ глаза на темное окно, въ которомъ мелькало отраженіе его свѣчки, и живо вообразилъ себѣ своего дѣда Константина Макарыча, служащаго ночнымъ сторожемъ у господъ Живаревыхъ. Это маленькій, тощенькій, но необыкновенно юркій и подвижной старикашка, лѣтъ 65-ти, съ вѣчно смѣющимся лицомъ и пьяными глазами. Днемъ онъ спитъ въ людской кухнѣ, или балагуритъ съ кухарками, ночью же, окутанный въ просторный тулупъ, ходитъ вокругъ усадьбы и стучитъ въ свою колотушку. За нимъ, опустивъ головы, шагаютъ старая Каштанка и кобелекъ Вьюнъ, прозванный такъ за свой черный цвѣтъ и тѣло, длинное, какъ у ласки. Этотъ Вьюнъ необыкновенно почтителенъ и ласковъ, одинаково умильно смотритъ какъ на своихъ, такъ и на чужихъ, но кредитомъ не пользуется. Подъ его почтительностью и смиреніемъ скрывается самое іезуитское ехидство. Никто лучше его не умѣетъ во-время подкрасться и цапнуть за ногу, забраться въ ледникъ, или украсть у мужика курицу. Ему ужъ не разъ отбивали заднія ноги, раза два его вѣшали, каждую недѣлю пороли до полусмерти, но онъ всегда оживалъ.

Теперь, навѣрно, дѣдъ стоитъ у воротъ, щуритъ глаза на ярко красныя окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагуритъ съ дворней. Колотушка его подвязана къ поясу. Онъ всплескиваетъ руками, пожимается отъ холода и, старчески хихикая, щиплетъ то горничную, то кухарку.

— Табачку нешто намъ понюхать? — говоритъ онъ, подставляя бабамъ свою табакерку.

Бабы нюхаютъ и чихаютъ. Дѣдъ приходитъ въ неописанный восторгъ, заливается веселымъ смѣхомъ и кричитъ:

— Отдирай, примерзло!

Даютъ понюхать табаку и собакамъ. Каштанка чихаетъ, крутитъ мордой и, обиженная, отходитъ въ сторону. Вьюнъ же изъ почтительности не чихаетъ и вертитъ хвостомъ. А погода великолѣпная. Воздухъ тихъ, прозра-

ченъ и свѣжъ. Ночь темна, но видно всю деревню съ ея бѣлыми крышами и струйками дыма, идущими изъ трубъ, деревья, посеребренныя инеемъ, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звѣздами, и млечный путь вырисовывается такъ ясно, какъ будто его передъ праздникомъ помыли и потерли снѣгомъ . . .

Ванька вздохнулъ, умокнулъ перо и продолжалъ писать:

«А вчерась мнѣ была выволочка. Хозяинъ выволокъ меня за волосы на дворъ и отчесалъ шпандыремъ за то, что я качалъ ихняго ребятенка въ люлькѣ и по нечаянности заснулъ. А на недѣлѣ хозяйка велѣла мнѣ почистить селедку, а я началъ съ хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня въ харю тыкать. Подмастерья надо мной насмѣхаются, посылаютъ въ кабакъ за водкой и велятъ красть у хозяевъ огурцы, а хозяинъ бьетъ чѣмъ попадя. А ѣды нѣту никакой. Утромъ даютъ хлѣба, въ обѣдъ каши и къ вечеру тоже хлѣба, а чтобъ чаю или щей, то хозяева сами трескаютъ. А спать мнѣ велятъ въ сѣняхъ, а когда ребятенокъ ихній плачетъ, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дѣдушка, сдѣлай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нѣту никакой моей возможности . . . Кланяюсь тебѣ въ ножки и буду вѣчно Бога молить, увези меня отсюда, а то помру . . .»

Ванька покривилъ ротъ, потеръ своимъ чернымъ кулакомъ глаза и всхлипнулъ.

«Я буду тебѣ табакъ тереть, — продолжалъ онъ: — Богу молиться, а если что, то сѣки меня, какъ Сидорову козу. А ежели думаешь, должности мнѣ нѣту, то я Христа ради попрошусь къ приказчику сапоги чистить, али замѣсто Ѳедьки въ подпаски пойду. Дѣдушка милый, нѣту никакой возможности, просто смерть одна. Хотѣлъ-было пѣшкомъ на деревню бѣжать, да сапоговъ нѣту, морозу боюсь. А когда выросту большой, то за это самое буду тебя кормить и въ обиду никому не дамъ, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно какъ за мамку Пелагею».

«А Москва городъ большой. Дома все господскіе и лошадей много, а овецъ нѣту и собаки не злыя. Со звѣздой

тутъ ребята не ходятъ и на клиросъ пѣть никого не пущаютъ, а разъ я видалъ въ одной лавкѣ, на окнѣ, крючки продаются прямо съ леской и на всякую рыбу, очень стоющіе, даже такой есть одинъ крючокъ, что пудоваго сома удержитъ. И видалъ которыя лавки, гдѣ ружья всякія на манеръ бариновыхъ, такъ что, небось, рублей сто кажное . . . А въ мясныхъ лавкахъ и тетерева, и рябцы, и зайцы, а въ которомъ мѣстѣ ихъ стрѣляютъ, про то сидѣльцы не сказываютъ».

«Милый дѣдушка, а когда у господъ будетъ елка съ гостинцами, возьми мнѣ золоченый орѣхъ и въ зеленый сундучокъ спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи — для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнулъ и опять уставился на окно. Онъ вспомнилъ, что за елкой для господъ всегда ходилъ въ лѣсъ дѣдъ и бралъ съ собою внука. Веселое было время! И дѣдъ крякалъ, и морозъ крякалъ, а глядя на нихъ, и Ванька крякалъ. Бывало, прежде чѣмъ вырубить елку, дѣдъ выкуриваетъ трубку, долго нюхаетъ табакъ, посмѣивается надъ озябшимъ Ванюшкой . . . Молодыя елки, окутанныя инеемъ, стоятъ неподвижно и ждутъ, которой изъ нихъ помирать? Откуда ни возьмись, по сугробамъ летитъ стрѣлой заяцъ . . . Дѣдъ не можетъ, чтобъ не крикнуть:

— Держи, держи . . . держи! Ахъ, куцый дьяволъ!

Срубленную елку дѣдъ тащилъ въ господскій домъ, а тамъ принимались убирать ее . . . Больше всѣхъ хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господъ въ горничныхъ, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и отъ нечего дѣлать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцовать кадриль. Когда же Пелагея умерла, сиротку Ваньку спровадили въ людскую кухню къ дѣду, а изъ кухни въ Москву къ сапожнику Аляхину . . .

«Пріѣзжай, милый дѣдушка, — продолжалъ Ванька: — Христомъ Богомъ тебя молю, возьми меня отседа. Пожалѣй ты меня, сироту несчастную, а то меня всѣ колотятъ и кушать страсть хочется, а скука такая, что

и сказать нельзя, все плачу. А намедни хозяинъ колодкой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой . . . А еще кланяюсь Аленѣ, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонію мою никому не отдавай. Остаюсь твой внукъ Иванъ Жуковъ, милый дѣдушка пріѣзжай».

Ванька свернулъ вчетверо исписанный листъ и вложилъ его въ конвертъ, купленный наканунѣ за копейку . . . Подумавъ немного, онъ умокнулъ перо и написалъ адресъ: *На деревню дѣдушкѣ.*

Потомъ почесался, подумалъ и прибавилъ: «Константину Макарычу». Довольный тѣмъ, что ему не помѣшали писать, онъ надѣлъ шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо въ рубахѣ выбѣжалъ на улицу . . .

Сидѣльцы изъ мясной лавки, которыхъ онъ разспрашивалъ наканунѣ, сказали ему, что письма опускаются въ почтовые ящики, а изъ ящиковъ развозятся по всей землѣ на почтовыхъ тройкахъ съ пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добѣжалъ до перваго почтоваго ящика и сунулъ драгоцѣнное письмо въ щель . . .

Убаюканный сладкими надеждами, онъ, часъ спустя, крѣпко спалъ . . . Ему снилась печка. На печи сидитъ дѣдъ, свѣсивъ босыя ноги, и читаетъ письмо кухаркамъ . . . Около печи ходитъ Вьюнъ и вертитъ хвостомъ . . .

Чеховъ.

53. Мужичокъ съ ноготокъ.

Однажды, въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу, поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ,
И, шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ уздцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ . . . а самъ съ ноготокъ!
— Здорово, парнище! — «Ступай себѣ мимо!»
— Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу! . . .
Откуда дровишки? — «Изъ лѣсу, вѣстимо;
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу».

(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я . . .»
— Такъ вонъ оно что! А какъ звать тебя? — «Власомъ».
— А кой тебѣ годикъ? — «Шестой миновалъ . . .
Ну, мертвая!» крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ уздцы и быстрѣй зашагалъ.
На эту картину такъ солнце свѣтило,
Ребенокъ былъ такъ уморительно малъ,
Какъ будто все это картонное было,
Какъ будто бы въ дѣтскій театръ я попалъ!
Но мальчикъ былъ мальчикъ живой, настоящій,
И дровни, и хворостъ, и пѣгонькій конь,
И снѣгъ, до окошекъ деревни лежащій,
И зимняго солнца холодный огонь —
Все, все настоящее русское было,
Съ клеймомъ нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душѣ такъ мучительно мило,
Что русскія мысли вселяетъ въ умы, —
Тѣ честныя мысли, которымъ нѣтъ воли,
Которымъ нѣтъ смерти — дави, не дави,
Въ которыхъ такъ много и злобы, и боли,
Въ которыхъ такъ много любви! Некрасовъ.

54. Мальчикъ у Христа на елкѣ.

Еще очень маленькій мальчикъ, лѣтъ шести или даже менѣе, проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ, и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря, какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой, вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? Должно быть, пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужого города и вдругъ захворала. Хозяйку угловъ захватили еще два

дня тому въ полицію; жильцы разбрелись, дѣло праздничное, а оставшійся одинъ халатникъ уже цѣлыя сутки лежалъ мертво пьяный, не дождавшійсь и праздника. Въ другомъ углу комнаты стонала отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушонка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая же холодная, какъ стѣна. «Очень ужъ здѣсь холодно», подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъ дохнулъ на свои пальчики, чтобы отогрѣть ихъ, и вдругъ, нашаривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошелъ изъ подвала. Онъ еще бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было, и онъ вдругъ вышелъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откудова онъ пріѣхалъ, по ночамъ, такой черный мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеркнется — никого, всѣ затворяются по домамъ и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ, воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было за то такъ тепло и ему давали кушать, а здѣсь — Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ, и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валитъ отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко-дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенятъ объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какой-нибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ. Мимо прошелъ блюститель порядка и отвернулся, чтобъ не замѣтить мальчика.

Вотъ и опять улица, — охъ, какая широкая! Вотъ вдѣсь такъ раздавятъ навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка: это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кругомъ тутъ же куколки, маленькія лошадки; а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцовать, какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красные, ужъ не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше; и вотъ опять видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги, всякіе — миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатыя барыни, а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, входятъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорѣе, сунула ему въ руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копеечка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй-поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится, и бѣжитъ-бѣжитъ и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! да что жъ это опять такое? Стоятъ люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя платьица и совсѣмъ-совсѣмъ какъ живыя! Какой-то старичокъ сидитъ и будто бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головками, и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, со-

всѣмъ говорятъ, — только вотъ изъ-за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живыя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки — вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ и не зналъ, что такія есть! И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно-смѣшно на куколокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой, злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузъ, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ наземь, тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать-бѣжать, и вдругъ забѣжалъ и самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами: «тутъ не сыщутъ, да и темно».

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало ему такъ хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть, и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть: «Посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куколокъ», подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: «совсѣмъ какъ живыя! . . .» И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсенку. «Мама, я сплю, ахъ, какъ тутъ спать хорошо!»

— Пойдемъ ко мнѣ на елку, мальчикъ, — прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумалъ было, что это все его мама, но нѣтъ, не она: кто же это его позвалъ, онъ не видитъ, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ; а онъ протянулъ ему руку и . . . и вдругъ, — о, какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ и кругомъ все куколки, — но нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мама и смѣется на него радостно.

— Мама! Мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама! кричитъ ей мальчикъ, и опять цѣлуется съ дѣтьми, и хочется ему разсказать имъ поскорѣе про тѣхъ куколокъ за стекломъ. «Кто вы, мальчики? Кто вы, дѣвочки?» спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

— Это «Христова елка», — отвѣчаютъ они ему. «У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки» . . . И узналъ онъ, что мальчики эти и дѣвочки всѣ были такія же какъ онъ дѣти, но одни замерзли еще въ своихъ корзинахъ, въ которыхъ ихъ подкинули на лѣстницы петербургскихъ чиновниковъ, другія задохли у чухонокъ, отъ воспитательнаго дома на прокормленіи, третьи умерли у изсохшей груди своихъ матерей (во время самарскаго голода), четвертыя задохлись въ вагонахъ третьяго класса, и всѣто они теперь здѣсь, всѣ они теперь какъ ангелы, всѣ у Христа, и Онъ самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ грѣшныхъ матерей . . . А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ же, въ сторонкѣ, и плачутъ; каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими ручками и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо . . .

А внизу, на утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика; розыскали и его маму . . . Та умерла еще прежде его . . .

Достоевскій.

55. Лишнія веревочки.

У одного мальчика мама была строгая, и папа былъ строгій. Какъ папа или мама увидятъ своего мальчика, такъ сейчасъ и закричатъ на него:

— Не шали! Какъ ты смѣешь шалить, скверный мальчишка! Тишину и порядокъ нарушаешь.

Ну, а мальчикъ, извѣстно, ребячьимъ дѣломъ, безъ шалостей не могъ прожить. Онъ бы и радъ не огорчать папашу и мамашу, да никакъ не могъ удержаться: нѣтъ, нѣтъ, да и нашалитъ.

Вотъ однажды папа съ мамою и сказали:

— Слова на тебя не дѣйствуютъ, такъ мы перейдемъ къ дѣлу. Мы тебя скрутимъ, — ты у насъ позабудешь, какъ шалятъ.

Хорошо, — сказано, сдѣлано. Связали мальчику руки веревочкой такъ, чтобы добрыя слова писать онъ могъ, а на дерзкія слова чтобы у него не было размаха; поноски для папаши съ мамашей носить можно, а въ барабанъ бить нельзя. Связали ему ноги, — ходить тихонько можно, а ужъ бѣжать, — нѣтъ, братъ, шалишь, не побѣжишь. На лицо надѣли хорошенькій намордничекъ, — манную кашу кушать можно, а кусаться и думать не моги. Къ спинѣ привязали палку, чтобы мальчикъ прямо держался, по формѣ. Ну, такъ скрутили мальчика, что просто бѣда. Не можетъ мальчикъ и шага лишняго сдѣлать. И сталъ мальчикъ скромный, какъ хотѣлось папѣ и мамѣ. И сталъ мальчикъ скучный, все плакалъ потихоньку. А папа съ мамой говорили:

— Плачь, плачь, — видишь, какъ нехорошо шалить. Мы тебѣ раньше довѣряли, а теперь ты ужъ потерялъ право на довѣріе, — самъ на себя пеняй.

Бродитъ тихонечко мальчикъ, а сосѣдскіе ребята надъ нимъ смѣются. А у мальчика папа и мама были строгіе, но глупые. Они сначала радовались, что сосѣди надъ мальчикомъ смѣются. И сами мальчика стыдили.

Только одинъ разъ, когда они спали, кто-то разбилъ имъ стекло въ окнѣ. Бросили съ улицы камень, а на камнѣ бумажка привязана, а на бумажкѣ написано очень крупными буквами: «Это вамъ за то, что вашего мальчика обижаете».

Папа съ мамой прочитали бумажку по складамъ, шибко разсердились, своего мальчика наказали, городовому пожаловались, — только городовой ничего не могъ сдѣлать. Окрутили папа и мама мальчика еще новыми веревочками, — даже и тамъ второй разъ связали, гдѣ уже и раньше было связано, и легли спать, — сами поѣли, а мальчикъ безъ ужина, но привязанный къ своей кроваткѣ для спокойствія и безопасности и чтобы на стѣну не полѣзъ.

Только имъ въ эту ночь и второе стекло камнемъ высадили, а на камнѣ опять бумажка была, а на бумажкѣ написано: «И всѣ стекла высадимъ, если мальчика обижать станете».

Тогда папа съ мамой струсили, пошли ко всѣмъ сосѣдямъ, и всздѣ объявили:

— Мы съ нашего мальчика излишнія веревки снимемъ.

Сняли съ мальчика половину веревочекъ, — тѣ, что лишнія были навязаны, — и легли спать спокойно, — колпаки надѣли, и спятъ, думаютъ, — никто ихъ не тронетъ. Сологубъ.

56. Ходитъ Спѣсь . . .

Ходитъ Спѣсь, надуваючись,
Съ боку на-бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашелъ бы Спѣсь къ отцу къ матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился бъ Спѣсь во церкви Божіей,
Да полъ не метенъ!
Идетъ Спѣсь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися! А. Толстой.

57. Кисель.

Сварила кухарка кисель и на столъ поставила. Скушали кисель господа, сказали спасибо, а дѣтушки пальчики облизали. На славу вышелъ кисель, всѣмъ по нраву пришелся, всѣмъ угодилъ. «Ахъ, какой сладкій кисель!» «ахъ какой мягкій кисель!» «вотъ такъ кисель!» — только и словъ про него. «Смотри, кухарка, чтобы каждый день на столѣ кисель былъ!» И сами наѣлись, и гостей употчивали, а подъ конецъ и прохожимъ на улицу чашку выставили. «Поѣшьте, честные господа, киселя! вонъ онъ у насъ какой: самъ въ ротъ лѣзетъ! Ѣшьте

больше, онъ это любитъ!» И всякій подходилъ, совалъ въ кисель ложкой, ѣлъ и утирался.

Кисель былъ до того разымчивъ и мягокъ, что никакого неудобства не чувствовалъ отъ того, что его ѣли. Напротивъ того, слыша общія похвалы, онъ даже возмечталъ. Стоитъ на столѣ, да знай-себѣ пузырится. «Стало-быть, я хорошъ, коли господа меня любятъ! Не зѣвай, кухарка, подливай!»

Долго ли, коротко ли такъ шло, только сталъ постепенно кисель господамъ прискучивать. Господа противъ прежняго сдѣлались образованнѣе; даже изъ подлаго званія которые мало-мальски въ чины произошли — и тѣ начали желеи да бламанжеи предпочитать.

— Помилуйте, — говоритъ одинъ: — что̀ хорошаго въ этомъ киселѣ? развѣ это ѣда? Попробуйте, какой онъ мягкій, да слизкій, да сладкій!

— Отдадимте, господа, кисель свиньямъ, — подхватилъ другой: — а сами уѣдемъ на теплыя воды гулять! Нагуляемся вдосталь, а тамъ, если ужъ это непремѣнно нужно, и опять домой воротимся кисель ѣсть.

Что же! свиньи такъ свиньи — право, киселю все равно, въ какомъ рангѣ особа его ѣстъ. Лишь бы ѣли. Засунула свинья рыло въ кисель по самыя уши и на весь скотный дворъ чавкотню подняла. Чавкаетъ да похрюкиваетъ: «Покатаюся-поваляюся, господскаго киселя наѣвшись!» Сытости, подлая, не знаетъ: чуть замѣшкается кухарка, она ужъ хрюкаетъ: «подливай!» А ежели скажутъ: «былъ кисель, да весь вышелъ», — она и по угламъ, и по закоулкамъ, и подъ навозомъ мордой вышаритъ и ужъ гдѣ-нибудь да отыщетъ.

Ѣла да ѣла свинья и, наконецъ, все до капли съѣла. А господа между тѣмъ гуляли-гуляли да и догулялись. Догулялись и говорятъ другъ другу: «Теперь намъ гулять больше не на что; айда домой кисель ѣсть!»

Пріѣхали домой, взялись за ложки — смотрятъ, анъ отъ киселя остались только засохшіе поскребушки.

И теперь всѣ — и господа, и свиньи — всѣ въ одинъ голосъ вопіютъ:

— Ѣли мы кисель, а про запасъ не оставили! Чѣмъ-то на будущее время сыты будемъ! Гдѣ ты, кисель? ау!

Салтыковъ.

58. Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.

Страстная суббота 187* года.

Сумрачный вечеръ давно уже спустился на примолкшую землю. Разогрѣтая за день и теперь слегка обвѣянная бодрымъ дыханіемъ весенняго ночного мороза, земля, казалось, тихо вздыхала полною грудью: отъ этого дыханія, играя въ лучахъ величаво горѣвшаго звѣзднаго неба, вставали бѣлесоватые туманы, точно клубы кадильнаго дыма, подымавшіеся навстрѣчу идущему празднику.

Было тихо. Небольшой губернскій городъ N., весь обвѣянный сумрачною прохладой, замолкъ, въ ожиданіи минуты, когда съ соборной колокольни прозвенитъ первый ударъ. Но городъ не спалъ. Подъ покровомъ влажнаго сумрака, въ тѣни молчаливыхъ, безлюдныхъ улицъ, слышалось сдержанное ожиданіе. Лишь изрѣдка пробѣжитъ запоздалый труженикъ, котораго праздникъ чуть не засталъ за тяжелою, непокорною работою, прогремитъ извозчичья пролетка — и опять безмолвная тишь . . . Жизнь схлынула съ улицъ въ дома, въ богатыя хоромы и скромныя лачуги, свѣтившія окнами на улицу, и тамъ притаилась. Надъ городомъ, надъ полями, надъ всей землей слышалось незримое вѣяніе наступающаго праздника воскресенія и обновленія . . .

Луна не поднималась, и городъ лежалъ въ широкой тѣни возвышенности, на которой виднѣлось большое, угрюмое зданіе. Страшныя, прямыя и строгія линіи этого зданія мрачно рисовались на звѣздной лазури; темныя ворота чуть-чуть выдѣлялись, зіяя во мракѣ затѣненной стѣны, и четыре башни по угламъ вырѣзались на небѣ острыми вершинами.

Но вотъ, съ высоты соборной колокольни сорвался и пронесся въ чуткомъ воздухѣ задумчивой ночи первый звенящій ударъ . . . другой, третій . . . Черезъ минуту въ разныхъ мѣстахъ, разными тонами, звенѣли, вали-

вались и пѣли колокола, и звуки, сплетаясь въ могучую, своеобразную гармонію, тихо колыхались и будто кружились въ эфирѣ . . . Изъ темнаго зданія, затѣнявшаго городъ, слышалось тоже чахлое, надтреснутое дребезжанье, какъ будто трепетавшее въ воздухѣ въ жалкомъ безсиліи подняться въ эфирную высь за могучимъ аккордомъ.

Звонъ смолкъ . . . Звуки растаяли въ воздухѣ, но безмолвіе ночи лишь постепенно вступало въ свои права; долго еще въ сумракѣ чудился смутный, замирающій отголосокъ, точно дрожаніе невидимой, натянутой въ воздухѣ струны . . . Въ домахъ огни погасли; окна церквей сіяли. Земля въ 187* году еще разъ готовилась провозгласить старый лозунгъ побѣды мира, любви и братства . . .

Въ темныхъ воротахъ угрюмаго зданія лязгнули запоры. Полувзводъ солдатъ, бряцая въ темнотѣ оружіемъ, вышелъ смѣнять ночные караулы. Они подходили къ угламъ и останавливались у постовъ; изъ темной кучки людей выходила размѣреннымъ шагомъ одна фигура, а прежній часовой какъ будто тонулъ въ этой неопредѣленно чернѣвшей кучкѣ . . . Затѣмъ полувзводъ двигался дальше, обходя вокругъ высокой тюремной стѣны.

На западной сторонѣ на смѣну стоявшаго здѣсь часового вышелъ молодой новобранецъ; въ его движеніяхъ не исчезла еще деревенская угловатость; молодое лицо хранило выраженіе напряженнаго вниманія новичка, впервые занимающаго отвѣтственный постъ. Онъ сталъ лицомъ къ стѣнѣ, брякнулъ ружьемъ, ступилъ два шага и, сдѣлавъ полуоборотъ, сталъ плечомъ къ плечу прежняго часового. Тотъ, слегка повернувъ къ нему голову, прочиталъ заученнымъ тономъ обычныя наставленія.

— Отъ угла до угла . . . смотрѣть . . . не спать, не дремать! — быстро говорилъ солдатъ, а рекрутъ слушалъ все такъ же напряженно, и въ его сѣрыхъ глазахъ сквозило какое-то особенное выраженіе тоски.

— Понялъ? — спросилъ ефрейторъ.

— Такъ точно!

— Ну, смотри! — сказалъ тотъ строго и затѣмъ, измѣнивъ тонъ, заговорилъ болѣе добродушно:

— Да ничего, Ѳадѣевъ, не бойся! Чай, ты не баба . . . Лѣшаго, что ли, тебѣ бояться-то?

— Зачѣмъ лѣшаго? — наивно отвѣтилъ Ѳадѣевъ и потомъ задумчиво прибавилъ: — Такъ штой-то на сердцѣ . . будто какъ чижало, братцы . . .

При этомъ простодушномъ, почти по-дѣтски звучавшемъ признаніи въ кучкѣ солдатъ послышался смѣхъ.

— Вотъ она, деревня-то матушка! — съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ промолвилъ ефрейторъ и рѣзко скомандовалъ:

— Ружья воль-но! . . . Шагомъ маршъ!

Караулъ, мѣрно постукивая на ходу, скрылся за угломъ, и скоро шаги его стихли. Часовой вскинулъ ружье и тихо пошелъ вдоль стѣны . . .

Внутри тюрьмы, съ послѣднимъ ударомъ колокола, началось движеніе. Мрачная и скорбная тюремная ночь давно уже не видѣла подобнаго оживленія. Какъ будто дѣйствительно благовѣстъ донесся сюда вѣстью свободы: черныя двери камеръ одна за другой отворялись. Люди въ сѣдыхъ халатахъ, съ роковыми цвѣтными отмѣтками на спинахъ, длинными вереницами, попарно проходили по коридорамъ, входя въ тюремную церковь, блиставшую огнями. Они шли справа и слѣва, поднимались по лѣстницѣ снизу, опускались сверху: среди гулкаго топота слышался по временамъ лязгъ ружья и переливчатое бряцаніе ножныхъ кандаловъ. Входя въ обширную церковь, сѣрая толпа вливалась въ отгороженныя рѣшеткой мѣста и тамъ затихала. Въ церковныхъ окнахъ также виднѣлись крѣпкія желѣзныя рѣшетки . . .

Тюрьма опустѣла. Только въ четырехъ угловыхъ башняхъ, въ небольшихъ круглыхъ камерахъ, наглухо запертыхъ, четыре одиночныхъ арестанта угрюмо метались по своимъ кельямъ, по временамъ припадая ухомъ къ дверямъ и жадно ловя отрывки долетавшаго изъ церкви пѣнія.

Да еще въ одной изъ общихъ камеръ на нарахъ ле-

жалъ больной. Смотритель, которому доложили о внезапно заболѣвшемъ, подошелъ къ нему, когда арестантовъ уводили въ церковь, и, наклонясь, заглянулъ въ его глаза, горѣвшіе страннымъ блескомъ и тупо устремленные въ пространство.

— Ивановъ! . . . Слушай, Ивановъ! — окликнулъ смотритель больного.

Арестантъ не повернулъ головы; онъ бормоталъ что-то невнятное; голосъ былъ хриплый; воспаленныя губы шевелились съ усиліемъ.

— Завтра въ больницу! — распорядился смотритель и вышелъ, оставивъ у дверей камеры одного изъ коридорныхъ. Тотъ внимательно посмотрѣлъ на больного и покачалъ головой.

— Эхъ, бродяга, бродяга! Видно, братецъ, отбѣгалъ свое! — и, рѣшивъ, что тутъ ему дѣлать нечего, надзиратель прошелъ по коридору къ церкви, остановился у запертой двери и сталъ слушать службу, то и дѣло припадая къ землѣ для поклоновъ.

Пустая камера оглашалась по временамъ невнятнымъ говоромъ больного. Это былъ не старый еще человѣкъ, сильный и крѣпкій. Онъ бредилъ, переживая недавнее прошлое, и лицо его искажалось выраженіемъ муки.

Судьба сшутила надъ бродягой скверную шутку. Онъ прошелъ тысячу верстъ, пробираясь тайгой и дикими хребтами, вынесъ тысячи опасностей и лишеній, гонимый жгучею тоской по родинѣ, руководимый одною надеждой: «Повидать бы . . . на мѣсяцъ . . . на недѣлю . . . пожить у своихъ . . . а тамъ — хоть опять та же дорожка!» За сотню верстъ отъ родимой деревни онъ попалъ въ эту тюрьму . . .

Но вотъ невнятный говоръ притихъ. Глаза бродяги расширились, грудь дышитъ ровнѣе . . . Надъ горящею головой повѣяло болѣе отрадными мечтами . . .

. . . Шумитъ тайга . . . Ему знакомъ этотъ шумъ — ровный, пѣвучій, свободный . . . Онъ научился различать голоса лѣса, говоръ каждаго дерева. Величавыя сосны звенятъ высоко, высоко, густою темною зеленью . . . Ели шепчутъ протяжно и гулко; веселая, яркая лиственъ

машетъ гибкими вѣтвями; осина дрожитъ и трепещетъ чуткимъ, боязливымъ листомъ . . . Свищетъ свободная птица, ручей говорливо и буйно летитъ по каменистымъ оврагамъ, и таежныя сыщицы — стая болтливыхъ сорокъ — носятся въ воздухѣ надъ тѣми мѣстами, гдѣ, невидимый въ чащѣ, проходитъ тайгою бродяга.

Точно струя свободнаго таежнаго вѣтра опахнула больного. Онъ поднялся, глубоко вздохнулъ; глаза съ выраженіемъ вниманія глядятъ впередъ. Вдругъ въ нихъ блеснуло что-то вродѣ сознанія. Бродяга, привычный бѣглецъ, увидалъ передъ собою необычайное явленіе: открытую дверь . . .

Могучій инстинктъ встряхнулъ весь организмъ, потрясенный болѣзнью. Призраки бреда быстро исчезали или группировались около одного представленія, яркимъ лучомъ прорѣзавшагося въ этомъ хаосѣ: одинъ! . . . дверь открыта! . . .

Черезъ минуту онъ стоялъ на полу. Казалось, весь жаръ воспаленнаго мозга хлынулъ къ глазамъ: они глядѣли какъ-то ровно, упорно и страшно.

Кто-то, выходя, отворилъ на мгновеніе дверь изъ церкви . . . Волны стройнаго, смягченнаго разстояніемъ, пѣнія коснулись уха бродяги и опять смолкли. На блѣдномъ лицѣ скользнуло умиленіе, глаза затуманились, и въ умѣ пронеслась давно лелѣянная мечтою картина: тихая ночь, шопотъ сосенъ, склонившихся темными вѣтвями надъ старою церковью родимой деревни . . . толпа земляковъ, огни надъ рѣкой и это самое пѣніе . . . онъ торопился въ пути, чтобы услышать все это тамъ, у своихъ . . .

Между тѣмъ, въ коридорѣ, у церковныхъ дверей, припадая къ землѣ, надзиратель усердно молился.

Молодой рекрутъ ходитъ съ ружьемъ вдоль стѣны. Передъ часовымъ разстилается ровное, недавно обнажившееся изъ-подъ снѣга, далеко уходящее поле. Легкій вѣтеръ бѣжитъ по немъ, шелестя засохшимъ бурьяномъ, звенитъ въ прошлогодней травѣ и вѣетъ въ душу солдата спокойною, грустною думой.

Молодой часовой остановился у стѣны, поставилъ ружье на землю и, положивъ руки на дуло, а голову на руки, глубоко задумался. Онъ не могъ еще ясно представить себѣ, зачѣмъ онъ здѣсь въ эту торжественную ночь передъ праздникомъ, съ ружьемъ, у стѣны, въ виду пустыннаго поля. Вообще, онъ былъ еще настоящій мужикъ, не понималъ еще многаго, что такъ понятно солдату, и его не даромъ дразнили «деревней». Онъ такъ недавно еще былъ свободенъ, былъ хозяинъ, владѣлецъ своего поля, своей работы . . . а теперь страхъ, безотчетный, необъяснимый, неопредѣленный, преслѣдовавшій каждый шагъ, каждое движеніе, вгонялъ молодую и угловатую деревенскую натуру въ колею строгой службы.

Но въ эту минуту онъ былъ одинъ . . . Пустынный видъ, разстилавшійся передъ глазами, и свистъ вѣтра въ бурьянѣ навѣвали на него какую-то дрему. И передъ глазами молодого солдата несутся родныя картины. Онъ тоже видитъ деревню, и тотъ же бѣжитъ надъ нею вѣтеръ, и церковь горитъ огнями, и старыя сосны качаютъ надъ церковью темными вершинами.

По временамъ онъ какъ будто очнется, и тогда въ его сѣрыхъ глазахъ отражается недоумѣніе: что это? — поле, ружье и стѣна . . . Онъ на минуту вспоминаетъ дѣйствительность, но скоро опять смутный звонъ ночного вѣтра навѣваетъ родныя картины, и солдатъ опять дремлетъ, опершись на ружье . . .

Невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ стоитъ часовой, на гребнѣ стѣны появляется темный силуэтъ: это голова человѣка . . . Бродяга глядитъ въ дальнее поле, къ чуть видной чертѣ далекаго лѣса . . . Его грудь расширяется, жадно ловя свѣжее, свободное дуновеніе матери-ночи. Онъ спускается на рукахъ и тихо скользитъ внизъ вдоль стѣны . . .

Радостный гулъ колоколовъ будитъ ночную тишь. Дверь тюремной церкви раскрылась, во дворѣ крестный ходъ; стройное пѣніе хлынуло волной изъ церкви. Солдатъ вздрогнулъ, выпрямился, снялъ шапку, чтобы перекреститься, и . . . замеръ съ поднятой рукой . . . Бродяга, достигнувъ земли, бросился бѣжать къ бурьяну.

— Стой, стой! . . . Голубчикъ, родимый! . . . — вскрикиваетъ часовой, въ ужасѣ подымая ружье. Все, чего онъ боялся, передъ чѣмъ трепеталъ, надвигается на него, безформенное, страшное — въ виду этой бѣгущей сѣрой фигуры. «Служба, отвѣтъ!» — мелькаетъ въ умѣ солдата, и онъ, вскинувъ ружье, прицѣлился въ бѣгущаго человѣка. Собираясь спустить курокъ, онъ съ жалкимъ видомъ зажмурилъ глаза . . .

А надъ городомъ вновь царитъ и кружится въ эфирѣ гармоническій, пѣвучій, переливчатый звонъ, и . . . опять надтреснутый колоколъ тюрьмы трепещетъ и бьется, точно стонъ подстрѣленной птицы. Изъ-за стѣны стройно несутся далеко въ поле первые звуки торжествующей пѣсни: «Христосъ воскресе!»

И вдругъ за стѣной, покрывая все остальное, грянулъ выстрѣлъ . . . Слабый безпомощный стонъ пронесся за нимъ безпредметною жалобой, затѣмъ все стихло . . .

Только дальнее эхо пустыннаго поля съ печальнымъ ропотомъ повторяло отголоски ружейнаго выстрѣла . . .

Короленко.

59. Изъ Гёте.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы . . .
Погоди немного —
Отдохнешь и ты.

Лермонтовъ.

60. Тоска.

Вечернія сумерки. Крупный, мокрый снѣгъ лѣниво кружится около только-что зажженныхъ фонарей и тонкимъ, мягкимъ пластомъ ложится на крыши, лошадиныя спины, плечи, шапки. Извозчикъ Іона Потаповъ весь бѣлъ, какъ привидѣніе. Онъ согнулся, насколько только возможно согнуться живому тѣлу, сидитъ на козлахъ и не шевельнется. Упади на него цѣлый сугробъ, то и тогда

бы, кажется, онъ не нашелъ нужнымъ стряхивать съ себя снѣгъ . . . Его лошаденка тоже бѣла и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью формъ и палкообразной прямизною ногъ она даже вблизи похожа на копеечную пряничную лошадку. Она, по всей вѣроятности, погружена въ мысль. Кого оторвали отъ плуга, отъ привычныхъ, сѣрыхъ картинъ и бросили сюда въ этотъ омутъ, полный чудовищныхъ огней, неугомоннаго треска и бѣгущихъ людей, тому нельзя не думать . . .

Іона и его лошаденка не двигаются съ мѣста уже давно. Выѣхали они со двора еще до обѣда, а почина все нѣтъ и нѣтъ. Но вотъ на городъ спускается вечерняя мгла. Блѣдность фонарныхъ огней уступаетъ свое мѣсто живой краскѣ, и уличная суматоха становится шумнѣе.

— Извозчикъ, на Выборгскую! — слышитъ Іона. — Извозчикъ!

Іона вздрагиваетъ и сквозь рѣсницы, облѣпленныя снѣгомъ, видитъ военнаго въ шинели съ капюшономъ.

— На Выборгскую! — повторяетъ военный. — Да ты спишь, что ли? На Выборгскую!

Въ знакъ согласія Іона дергаетъ вожжи, отчего со спины лошади и съ его плечъ сыплются пласты снѣга . . . Военный садится въ сани. Извозчикъ чмокаетъ губами, вытягиваетъ по-лебединому шею, приподнимается и больше по привычкѣ, чѣмъ по нуждѣ, машетъ кнутомъ. Лошаденка тоже вытягиваетъ шею, кривитъ свои палкообразныя ноги и нерѣшительно двигается съ мѣста . . .

— Куда прешь, лѣшій! — на первыхъ же порахъ слышитъ Іона возгласы изъ темной, движущейся взадъ и впередъ массы. — Куда черти несутъ? Правда держи!

— Ты ѣздить не умѣешь! Права держи! — сердится военный.

Бранится кучеръ съ кареты, злобно глядитъ и стряхиваетъ съ рукава снѣгъ прохожій, перебѣгавшій дорогу и налетѣвшій плечомъ на морду лошаденки. Іона ерзаетъ на козлахъ, какъ на иголкахъ, тыкаетъ въ стороны локтями и водитъ глазами, какъ угорѣлый, словно не понимаетъ, гдѣ онъ и зачѣмъ онъ здѣсь.

— Какіе всѣ подлецы! — остритъ военный. — Такъ

и норовятъ столкнуться съ тобой, или подъ лошадь попасть. Это они сговорились.

Іона оглядывается на сѣдока и шевелитъ губами . . . Хочетъ онъ, повидимому, что-то сказать, но изъ горла не выходитъ ничего, кромѣ сопѣнья.

— Что? — спрашиваетъ военный.

Іона кривитъ улыбкой ротъ, напрягаетъ свое горло и сипитъ:

— А у меня, баринъ, тово . . . сынъ на этой недѣлѣ померъ.

— Гм! . . . Отчего же онъ умеръ?

Іона оборачивается всѣмъ туловищемъ къ сѣдоку и говоритъ:

— А кто жъ его знаетъ! Должно, отъ горячки . . . Три дня полежалъ въ больницѣ и померъ . . . Божья воля.

— Сворачивай, дьяволъ! — раздается въ потемкахъ. — Повылазило, что ли, старый песъ? Гляди глазами!

— Поѣзжай, поѣзжай . . . — говоритъ сѣдокъ. — Этакъ мы и до завтра не доѣдемъ. Подгони-ка.

Извозчикъ опять вытягиваетъ шею, приподнимается и съ тяжелой граціей взмахиваетъ кнутомъ. Нѣсколько разъ потомъ оглядывается онъ на сѣдока, но тотъ закрылъ глаза и, повидимому, не расположенъ слушать. Высадивъ его на Выборгской, онъ останавливается у трактира, сгибается на козлахъ и опять не шевельнется . . . Мокрый снѣгъ опять краситъ набѣло его и лошаденку. Проходитъ часъ, другой . . .

По тротуару, громко стуча калошами и перебраниваясь, проходятъ трое молодыхъ людей: двое изъ нихъ высоки и тонки, третій малъ и горбатъ.

— Извозчикъ, къ Полицейскому мосту! — кричитъ дребезжащимъ голосомъ горбачъ. — Троихъ . . . двугривенный!

Іона дергаетъ вожжами и чмокаетъ. Двугривенный цѣна не сходная, но ему не до цѣны . . . Что рубль, что пятакъ — для него теперь все равно, были бы только сѣдоки . . . Молодые люди, толкаясь и сквернословя, подходятъ къ санямъ и всѣ трое сразу лѣзутъ на сидѣнье. Начинается рѣшеніе вопроса: кому двумъ сидѣть, а кому

третьему стоять? Послѣ долгой перебранки, капризничанья и попрековъ, приходятъ къ рѣшенію, что стоять долженъ горбачъ, какъ самый маленькій.

— Ну, погоняй! — дребезжитъ горбачъ, устанавливаясь и дыша въ затылокъ Іоны. — Лупи! Да и шапка же у тебя, братецъ! Хуже во всемъ Петербургѣ не найти...

— Гы-ы . . . гы-ы . . . — хохочетъ Іона. — Какая есть . . .

— Ну, ты, какая есть, погоняй! Этакъ ты всю дорогу будешь ѣхать? Да? А по шеѣ? . . .

— Голова трещитъ . . . — говоритъ одинъ изъ длинныхъ. — Вчера у Дукмасовыхъ мы вдвоемъ съ Васькой четыре бутылки коньяку выпили.

— Не понимаю, зачѣмъ врать! — сердится другой длинный. — Вретъ, какъ скотина.

— Накажи меня Богъ, правда . . .

— Это такая же правда, какъ то, что вошь кашляетъ!

— Гы-ы! — ухмыляется Іона. — Ве-еселые господа.

— Тьфу, чтобъ тебя черти! . . . — возмущается горбачъ. — Поѣдешь ты, старая холера, или нѣтъ? Развѣ такъ ѣздятъ?! Хлобысни-ка ее кнутомъ! Но, чортъ! Но! Хорошенько ее!

Іона чувствуетъ за своей спиной вертящееся тѣло и голосовую дрожь горбача. Онъ слышитъ обращенную къ нему ругань, видитъ людей, и чувство одиночества начинаетъ мало-по-малу отлегать отъ груди. Горбачъ бранится до тѣхъ поръ, пока не давится вычурнымъ, шестиэтажнымъ ругательствомъ и не разражается кашлемъ. Длинные начинаютъ говорить о какой-то Надеждѣ Петровнѣ. Іона оглядывается на нихъ. Дождавшись короткой паузы, онъ оглядывается еще разъ и бормочетъ:

— А у меня на этой недѣлѣ ... тово ... сынъ померъ!

— Всѣ помремъ . . . — вздыхаетъ горбачъ, вытирая послѣ кашля губы. — Ну, погоняй, погоняй! Господа, я рѣшительно не могу дальше такъ ѣхать! Когда онъ насъ довезетъ?

— А ты его легонечко подбодри . . . въ шею!

— Старая холера, слышишь? Вѣдь шею накостыляю! . . . Съ вашимъ братомъ церемониться, такъ пѣш-

комъ ходить! . . . Ты слышишь, Змѣй Горынычъ? Или тебѣ плевать на наши слова?

И Іона больше слышитъ, чѣмъ чувствуетъ, звуки подзатыльника.

— Гы-ы . . . — смѣется онъ. — Веселые господа . . . дай Богъ здоровья!

— Извозчикъ, ты женатъ? — спрашиваетъ длинный.

— Я-то? Гы-ы . . . ве-еселые господа! Таперя у меня одна жена — сырая земля . . . Хи-хо-хо . . . Могила, то-есть! . . . Сынъ-то вотъ померъ, а я живъ . . . Чудное дѣло, смерть дверью обозналась . . . Замѣсто того, чтобъ ко мнѣ идтить, она къ сыну . . .

И Іона оборачивается, чтобы разсказать, какъ умеръ его сынъ, но тутъ горбачъ легко вздыхаетъ и заявляетъ, что, слава Богу, они наконецъ пріѣхали. Получивъ двугривенный, Іона долго глядитъ вслѣдъ гулякамъ, исчезающимъ въ темномъ подъѣздѣ. Опять онъ одинокъ, и опять наступаетъ для него тишина . . . Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распираетъ грудь еще съ большей силой. Глаза Іоны тревожно и мученически бѣгаютъ по толпамъ, снующимъ по обѣ стороны улицы: не найдется ли изъ этихъ тысячъ людей хоть одинъ, который выслушалъ бы его? Но толпы бѣгутъ, не замѣчая ни его, ни тоски . . . Тоска громадная, не знающая границъ. Лопни грудь Іоны, и вылейся изъ нея тоска, такъ она бы, кажется, весь свѣтъ залила, но тѣмъ не менѣе ея не видно. Она сумѣла помѣститься въ такую ничтожную скорлупу, что ея не увидишь днемъ съ огнемъ . . .

Іона видитъ дворника съ кулькомъ и рѣшаетъ заговорить съ нимъ.

— Милый, который теперь часъ будетъ? — спрашиваетъ онъ.

— Десятый . . . Чего же сталъ здѣсь? Проѣзжай!

Іона отъѣзжаетъ на нѣсколько шаговъ, изгибается и отдается тоскѣ . . . Обращаться къ людямъ онъ считаетъ уже безполезнымъ. Но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ выпрямляется, встряхиваетъ головой, словно почувствовалъ острую боль, и дергаетъ вожжи . . . Ему невмоготу.

«Ко двору, — думаетъ онъ. — Ко двору!»

И лошаденка, точно понявъ его мысль, начинаетъ бѣжать рысцой. Спустя часа полтора, Іона сидитъ уже около большой, грязной печи. На печи, на полу, на скамьяхъ, храпитъ народъ. Въ воздухѣ «спираль» и духота . . . Іона глядитъ на спящихъ, почесывается и жалѣетъ, что такъ рано вернулся домой . . .

«И на овесъ не выѣздилъ, — думаетъ онъ. — Оттого-то вотъ и тоска. Человѣкъ, который знающій свое дѣло . . . который и самъ сытъ, и лошадь сыта, завсегда покоенъ . . .»

Въ одномъ изъ угловъ поднимается молодой извозчикъ, сонно крякаетъ и тянется къ ведру съ водой.

— Пить захотѣлъ? — спрашиваетъ Іона.

— Стало-быть, пить!

— Такъ . . . На здоровье . . . А у меня, братъ, сынъ померъ . . . Слыхалъ? на этой недѣлѣ въ больницѣ . . . Исторія!

Іона смотритъ, какой эффектъ произвели его слова, но не видитъ ничего. Молодой укрылся съ головой и уже спитъ. Старикъ вздыхаетъ и чешется . . . Какъ молодому хотѣлось пить, такъ ему хочется говорить. Скоро будетъ недѣля, какъ умеръ сынъ, а онъ еще путемъ не говорилъ ни съ кѣмъ . . . Нужно поговорить съ толкомъ, разстановкой . . . Надо разсказать, какъ заболѣлъ сынъ, какъ онъ мучился, что говорилъ передъ смертью, какъ умеръ . . . Нужно описать похороны и поѣздку въ больницу за одеждой покойника. Въ деревнѣ осталась дочка Анисья . . . И про нее нужно поговорить . . . Да мало ли о чемъ можетъ теперь поговорить? Слушатель долженъ охать, вздыхать, причитывать . . . А съ бабами говорить еще лучше. Тѣ хоть и дуры, но ревутъ отъ двухъ словъ.

«Пойти лошадь поглядѣть, — думаетъ Іона. — Спать всегда успѣешь . . . Небось, выспишься . . .»

Онъ одѣвается и идетъ въ конюшню, гдѣ стоитъ его лошадь. Думаетъ онъ объ овсѣ, сѣнѣ, о погодѣ . . . Про сына, когда одинъ, думать онъ не можетъ . . . Поговорить съ кѣмъ-нибудь о немъ можно, но самому думать и рисовать себѣ его образъ невыносимо жутко . . .

— Жуешь? — спрашиваетъ Іона свою лошадь, видя

ея блестящіе глаза. — Ну, жуй, жуй . . . . Коли на овесъ не выѣздили, сѣно ѣсть будемъ . . . Да . . . Старъ ужъ сталъ я ѣздить . . . Сыну бы ѣздить, а не мнѣ . . . То настоящій извозчикъ былъ . . . Жить бы только . . .

Іона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

— Такъ-то, братъ кобылочка . . . Нѣту Кузьмы Іоныча . . . Приказалъ долго жить . . . Взялъ и померъ зря . . . Таперя, скажемъ, у тебя жеребеночекъ и ты этому жеребеночку родная мать . . . И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказалъ долго жить . . . Вѣдь жалко?

Лошаденка жуетъ, слушаетъ и дышитъ на руки своего хозяина . . .

Іона увлекается и разсказываетъ ей все . . .

Чеховъ.

61. Надъ свѣжей могилой.

Я вновь одинъ — и вновь кругомъ
Все та же ночь и мракъ унылый,
И я въ раздумьи роковомъ
Стою надъ свѣжею могилой:
Чего мнѣ ждать, къ чему мнѣ жить,
Къ чему бороться и трудиться: —
Мнѣ больше некого любить,
Мнѣ больше некому молиться! . . .

Надсонъ.

62. Могила сына.

Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли, сѣрые деревянные кресты поникли и гніютъ подъ своими когда-то крашеными крышами, каменныя плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; два-три ощипанныхъ деревца едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ . . .

Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее

окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обоимъ ея концамъ: Евгеній Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней изъ недалекой деревушки часто приходятъ два уже дряхлые старичка — мужъ съ женою. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкою; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго, и горько плачутъ, и долго, и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ . . .

Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи «равнодушной» природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной . . .

Тургеневъ.

63. Не шуми ты, рожь.

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе,
Не своей душѣ —
Душѣ-дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ!

И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица!

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Кольцовъ.

64. Вырыта заступомъ . . .

Вырыта заступомъ яма глубокая . . .
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится . . .
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна! . .

Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная, —
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается . . .
Тише! . . О жизни покончень вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

Никитинъ.

65. Кусака.

Она никому не принадлежала; у нея не было собственнаго имени, и никто не могъ бы сказать, гдѣ находилась она во всю долгую морозную зиму и чѣмъ кормилась. Отъ теплыхъ избъ ее отгоняли дворовыя собаки, такія же голодныя, какъ и она, но гордыя и сильныя своею принадлежностью къ дому; когда, гонимая голодомъ или инстинктивною потребностью въ общеніи, она показывалась на улицѣ, — ребята бросали въ нее камнями и палками, взрослые весело улюлюкали и страшно, пронзительно свистали. Не помня себя отъ страху, переметываясь со стороны на сторону, натыкаясь на загорожи и людей, она мчалась на край поселка и пряталась въ глубинѣ большого сада, въ одномъ ей извѣстномъ мѣстѣ. Тамъ она зализывала ушибы и раны и въ одиночествѣ копила страхъ и злобу.

Только одинъ разъ ее пожалѣли и приласкали. Это былъ пропойца-мужикъ, возвращавшійся изъ кабака. Онъ всѣхъ любилъ и всѣхъ жалѣлъ и что-то говорилъ себѣ подъ носъ о добрыхъ людяхъ и своихъ надеждахъ на добрыхъ людей; пожалѣлъ онъ и собаку, грязную и некрасивую, на которую случайно упалъ его пьяный и безцѣльный взглядъ.

— Жучка! — позвалъ онъ ее именемъ, общимъ всѣмъ собакамъ. — Жучка! Пойди сюда, не бойся!

Жучкѣ очень хотѣлось подойти; она виляла хвостомъ, но не рѣшалась. Мужикъ похлопалъ себя рукой по колѣнкѣ и убѣдительно повторилъ:

— Да пойди, дура! Ей-Богу, не трону!

Но, пока собака колебалась, все яростнѣе размахивая хвостомъ и маленькими шажками подвигаясь впередъ, настроеніе пьянаго человѣка измѣнилось. Онъ вспомнилъ всѣ обиды, нанесенныя ему добрыми людьми, почувствовалъ скуку и тупую злобу, и когда Жучка легла передъ нимъ на спину, съ размаху ткнулъ ее въ бокъ носкомъ тяжелаго сапога.

— У-у, мразь! Тоже лѣзетъ!

Собака завизжала, больше отъ неожиданности и обиды, чѣмъ отъ боли, а мужикъ, шатаясь, побрелъ домой, гдѣ долго и больно билъ жену и на кусочки изорвалъ новый платокъ, который на прошлой недѣлѣ купилъ ей въ подарокъ.

Съ тѣхъ поръ собака не довѣряла людямъ, которые хотѣли ее приласкать, и, поджавъ хвостъ, убѣгала, а иногда со злобою набрасывалась на нихъ и пыталась укусить, пока камнями и палкой не удавалось отогнать ее. На одну зиму она поселилась подъ террасой пустой дачи, у которой не было сторожа, и безкорыстно сторожила ее: выбѣгала по ночамъ на дорогу и лаяла до хрипоты. Уже улегшись на свое мѣсто, она все еще злобно ворчала, но сквозь злобу проглядывало нѣкоторое довольство собой и даже гордость.

Зимняя ночь тянулась долго-долго, и черныя окна пустой дачи угрюмо глядѣли на обледенѣвшій неподвижный садъ. Иногда въ нихъ какъ будто вспыхивалъ голу-

боватый огонекъ: то отражалась на стеклѣ упавшая звѣзда, или остророгій мѣсяцъ посылалъ свой робкій лучъ.

Наступила весна, и тихая дача огласилась громкимъ говоромъ, скрипомъ колесъ и грузнымъ топотомъ людей, переносящихъ тяжести. Пріѣхали изъ города дачники, цѣлая веселая ватага взрослыхъ, подростковъ и дѣтей, опьяненныхъ воздухомъ, тепломъ и свѣтомъ; кто-то кричалъ, кто-то пѣлъ, смѣялся высокимъ женскимъ голосомъ.

Первой, съ кѣмъ познакомилась собака, была хорошенькая дѣвушка въ коричневомъ форменномъ платьѣ, выбѣжавшая въ садъ. Жадно и нетерпѣливо, желая охватить и сжать въ своихъ объятіяхъ все видимое, она посмотрѣла на ясное небо, на красноватые сучья вишенъ и быстро легла на траву, лицомъ къ горячему солнцу. Потомъ такъ же внезапно вскочила и, обнявъ себя руками, цѣлуя свѣжими устами весенній воздухъ, выразительно и серьезно сказала:

— Вотъ весело-то!

Сказала и быстро закружилась. И въ ту же минуту беззвучно подкравшаяся собака яростно вцѣпилась зубами въ раздувавшійся подолъ платья, рванула и такъ же беззвучно скрылась въ густыхъ кустахъ крыжовника и смородины.

— Ай, злая собака! — убѣгая, крикнула дѣвушка, и долго еще слышался ея взволнованный голосъ: — Мама, дѣти! Не ходите въ садъ: тамъ собака! Огромная! . . . Злю-у-щая! . . .

Ночью собака подкралась къ заснувшей дачѣ и безшумно улеглась на свое мѣсто подъ террасой. Пахло людьми, и въ открытыя окна приносились тихіе звуки короткаго дыханія. Люди спали, были безпомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила ихъ: спала однимъ глазомъ и при каждомъ шорохѣ вытягивала голову съ двумя неподвижными огоньками фосфорически свѣтящихся глазъ. А тревожныхъ звуковъ было много въ чуткой весенней ночи: въ травѣ шуршало что-то невидимое, маленькое и подбиралось къ самому лоснящемуся носу собаки; хрустѣла прошлогодняя вѣтка подъ заснувшей

птицей, и на близкомъ шоссе грохотала телѣга, и скрипѣли нагруженные возы. И далеко окрестъ въ неподвижномъ воздухѣ разстилался запахъ душистаго, свѣжаго дегтя и манилъ въ свѣтлѣющую даль.

Пріѣхавшіе дачники были очень добрыми людьми, а то, что они были далеки отъ города, дышали хорошимъ воздухомъ, видѣли вокругъ себя все зеленымъ, голубымъ и беззлобнымъ, дѣлало ихъ еще добрѣе. Тепломъ входило въ нихъ солнце и выходило смѣхомъ и расположеніемъ ко всему живущему. Сперва они хотѣли прогнать напугавшую ихъ собаку и даже застрѣлить ее изъ револьвера, если не уберется; но потомъ привыкли къ лаю по ночамъ и иногда по утрамъ вспоминали:

— А гдѣ же наша Кусака?

И это новое имя «Кусака» такъ и осталось за ней. Случалось, что и днемъ замѣчали въ кустахъ темное тѣло, безслѣдно пропадавшее при первомъ движеніи руки, бросавшей хлѣбъ — словно это былъ не хлѣбъ, а камень, — и скоро всѣ привыкли къ Кусакѣ, называли ее «своей» собакой и шутили по поводу ея дикости и безпричиннаго страха. Съ каждымъ днемъ Кусака на одинъ шагъ уменьшала пространство, отдѣлявшее ее отъ людей; присмотрѣлась къ ихъ лицамъ и усвоила ихъ привычки: за полчаса до обѣда уже стояла въ кустахъ и ласково помаргивала. И та же гимназисточка Леля, забывшая обиду, окончательно ввела ее въ счастливый кругъ отдыхающихъ и веселящихся людей.

— Кусачка, пойди ко мнѣ! — звала она къ себѣ. — Ну, хорошая, ну, милая, пойди! Сахару хочешь? . . . Сахару тебѣ дамъ, хочешь? Ну, пойди же!

Но Кусака не шла: боялась. И осторожно, похлопывая себя руками и говоря такъ ласково, какъ это можно было при красивомъ голосѣ и красивомъ лицѣ, Леля подвигалась къ собакѣ и сама боялась: вдругъ укуситъ.

— Я тебя люблю. Кусачка, я тебя очень люблю. У тебя такой хорошенькій носикъ и такіе выразительные глазки. Ты не вѣришь мнѣ, Кусачка?

Брови Лели поднялись, и у самой у нея былъ такой хорошенькій носикъ и такіе выразительные глаза, что

солнце поступило умно, расцѣловавъ горячо, до красноты щекъ, все ея молоденькое, наивно-прелестное личико.

И Кусачка второй разъ въ своей жизни перевернулась на спину и закрыла глаза, не зная навѣрно, ударятъ ее или приласкаютъ. Но ее приласкали. Маленькая, теплая рука прикоснулась нерѣшительно къ шершавой головѣ и, словно это было знакомъ неотразимой власти, свободно и смѣло забѣгала по всему шерстистому тѣлу, тормоша, лаская и щекоча.

— Мама, дѣти! Глядите: я ласкаю Кусаку! — закричала Леля.

Когда прибѣжали дѣти, шумныя, звонкоголосыя, быстрыя и свѣтлыя, какъ капельки разбѣжавшейся ртути, Кусака замерла отъ страха и безпомощнаго ожиданія: она знала, что, если теперь кто-нибудь ударитъ ее, она уже не въ силахъ будетъ впиться въ тѣло обидчика своими острыми зубами: у нея отняли ея непримиримую злобу. И когда всѣ наперерывъ стали ласкать ее, она долго еще вздрагивала при каждомъ прикосновеніи ласкающей руки, и ей больно было отъ непривычной ласки, словно отъ удара.

Всею своею собачьей душою расцвѣла Кусака. У нея было имя, на которое она стремглавъ неслась изъ зеленой глубины сада; она принадлежала людямъ и могла имъ служить. Развѣ не достаточно этого для счастья собаки?

Съ привычкою къ умѣренности, создавшеюся годами бродячей, голодной жизни, она ѣла очень мало, но и это малое измѣнило ее до неузнаваемости: длинная шерсть, прежде висѣвшая рыжими, сухими космами и на брюхѣ вѣчно покрытая засохшею грязью, очистилась, почернѣла и стала лосниться, какъ атласъ. И когда она отъ нечего дѣлать выбѣгала къ воротамъ, становилась у порога и важно осматривала улицу вверхъ и внизъ, никому уже не приходило въ голову дразнить ее или бросить камнемъ.

Но такою гордою и независимою она бывала только наединѣ. Страхъ не совсѣмъ еще выпарился огнемъ ласкъ изъ ея сердца, и всякій разъ при видѣ людей, при ихъ приближеніи, она терялась и ждала побоевъ. И долго

еще всякая ласка казалась ей неожиданностью, чудомъ, котораго она не могла понять и на которое она не могла отвѣтить. Она не умѣла ласкаться. Другія собаки умѣютъ становиться на заднія лапки, тереться у ногъ и даже улыбаться, и тѣмъ выражаютъ свои чувства, но она не умѣла.

Единственное, что могла Кусака, это упасть на спину, закрыть глаза и слегка завизжать. Но этого было мало, это не могло выразить ея восторга, благодарности и любви, — и съ внезапнымъ наитіемъ Кусака начала дѣлать то, что, быть можетъ, когда-нибудь она видѣла у другихъ собакъ, но уже давно забыла. Она нелѣпо кувыркалась, неуклюже прыгала и вертѣлась вокругъ самой себя, и ея тѣло, бывшее всегда такимъ гибкимъ и ловкимъ, становилось неповоротливымъ, смѣшнымъ и жалкимъ.

— Мама, дѣти! Смотрите, Кусака играетъ! — кричала Леля и, задыхаясь отъ смѣха, просила:

— Еще, Кусачка, еще! Вотъ такъ! Вотъ такъ . . .

И всѣ собирались и хохотали, а Кусака вертѣлась, кувыркалась и падала, и никто не видѣлъ въ ея глазахъ странной мольбы. И какъ прежде на собаку кричали и улюлюкали, чтобы видѣть ея отчаянный страхъ, такъ теперь нарочно ласкали ее, чтобы вызвать въ ней приливъ любви, безконечно-смѣшной въ своихъ неуклюжихъ и нелѣпыхъ проявленіяхъ. Не проходило часа, чтобы кто-нибудь изъ подростковъ или дѣтей не кричалъ:

— Кусачка, милая Кусачка, поиграй!

И Кусачка вертѣлась, кувыркалась и падала при несмолкаемомъ веселомъ хохотѣ. Ее хвалили при ней и за глаза, и жалѣли только объ одномъ, что при постороннихъ людяхъ, приходившихъ въ гости, она не хочетъ показать своихъ штукъ и убѣгаетъ въ садъ или прячется подъ террасой.

Постепенно Кусака привыкла къ тому, что о пищѣ не нужно заботиться, такъ какъ въ опредѣленный часъ кухарка дастъ ей помоевъ и костей, увѣренно и спокойно ложилась на свое мѣсто подъ террасой и уже искала и просила ласкъ. И отяжелѣла она: рѣдко бѣгала съ дачи,

и когда маленькія дѣти звали ее съ собою въ лѣсъ, уклончиво виляла хвостомъ и незамѣтно исчезала. Но по ночамъ все такъ же громокъ и бдителенъ былъ ея сторожевой лай.

Желтыми огнями загорѣлась осень, частыми дождями заплакало небо, и быстро стали пустѣть дачи и умолкать, какъ будто непрерывный дождь и вѣтеръ гасили ихъ, точно свѣчи, одну за другой.

— Какъ же намъ быть съ Кусакой? — въ раздумьѣ спрашивала Леля.

Она сидѣла, охвативъ руками колѣни, и печально глядѣла въ окно, по которому скатывались блестящія капли начавшагося дождя.

— Что у тебя за поза, Леля! Ну кто такъ сидитъ? — сказала мать и добавила: — А Кусаку придется оставить. Богъ съ ней!

— Жа-а-лко, — протянула Леля.

— Ну что подѣлаешь? Двора у насъ нѣтъ, а въ комнатахъ ее держать нельзя, ты сама понимаешь.

— Жа-а-лко, — повторила Леля, готовая заплакать.

Уже приподнялись, какъ крылья ласточки, ея темныя брови и жалко сморщился хорошенькій носикъ, когда мать сказала:

— Догаевы давно уже предлагали мнѣ щеночка. Говорятъ, очень породистый и уже служитъ. Ты слышишь меня? А эта что — дворняжка!

— Жа-а-лко, — повторила Леля, но не заплакала.

Снова пришли незнакомые люди, и заскрипѣли возы, и застонали подъ тяжелыми шагами половицы, но меньше было говора и совсѣмъ не слышно было смѣха. Напуганная чужими людьми, смутно предчувствуя бѣду, Кусака убѣжала на край сада и оттуда, сквозь порѣдѣвшіе кусты, неотступно глядѣла на видимый ей уголокъ террасы и на сновавшія по немъ фигуры въ красныхъ рубахахъ.

— Ты здѣсь, моя бѣдная Кусачка, — сказала вышедшая Леля. Она уже была одѣта по-дорожному — въ то коричневое платье, кусокъ отъ котораго оторвала Кусака, и черную кофточку. — Пойдемъ со мной!

И онѣ вышли на шоссе. Дождь то принимался идти, то утихалъ, и все пространство между почернѣвшею землей и небомъ было полно клубящимися, быстро идущими облаками. Снизу было видно, какъ тяжелы они и непроницаемы для свѣта отъ насытившей ихъ воды, и какъ скучно солнцу за этою плотною стѣной.

Налѣво отъ шоссе тянулось потемнѣвшее жнивье, и только на бугристомъ и близкомъ горизонтѣ одинокими купами поднимались невысокіе разрозненные деревья и кусты. Впереди, недалеко, была застава и возлѣ нея трактиръ съ желѣзной красной крышей, а у трактира кучка людей дразнила деревенскаго дурачка, Илюшу.

— Дайте копеечку, — гнусавилъ протяжно дурачокъ, и злые, насмѣшливые голоса наперебой отвѣчали ему:

— А дрова колоть хочешь?

И Илюша цинично и грязно ругался, а они безъ веселья хохотали.

Прорвался солнечный лучъ, желтый и анемичный, какъ будто солнце было неизлѣчимо-больнымъ; шире и печальнѣе стала туманная осенняя даль.

— Скучно, Кусака! — тихо проронила Леля и, не оглядываясь, пошла назадъ.

И только на вокзалѣ она вспомнила, что не простилась съ Кусакой.

Кусака долго металась по слѣдамъ уѣхавшихъ людей, добѣжала до станціи и — промокшая, грязная — вернулась на дачу. Тамъ она продѣлала еще одну новую штуку, которой никто однако не видалъ: первый разъ взошла на террасу и, приподнявшись на заднія лапы, заглянула въ стеклянную дверь и даже поскребла когтями. Но въ комнатахъ было пусто, и никто не отвѣтилъ Кусакѣ.

Поднялся частый дождь, и отовсюду сталъ надвигаться мракъ осенней длинной ночи. Быстро и глухо онъ заполнилъ пустую дачу; безшумно выползалъ онъ изъ кустовъ и вмѣстѣ съ дождемъ лился съ непривѣтнаго неба. На террасѣ, съ которой была снята парусина, отчего она казалась обширной и странно-пустой, свѣтъ долго еще

боролся съ тьмою и печально озарялъ слѣды грязныхъ ногъ, но скоро уступилъ и онъ.

Наступила ночь.

И когда уже не было сомнѣній, что она наступила, собака жалобно и громко завыла. Звенящей, острой, какъ отчаяніе, нотой ворвался этотъ вой въ монотонный, угрюмо покорный шумъ дождя, прорѣзалъ тьму и, замирая, понесся надъ темнымъ и обнаженнымъ полемъ.

Собака выла — ровно, настойчиво и безнадежно-спокойно. И тому, кто слышалъ этотъ вой, казалось, что это стонетъ и рвется къ свѣту сама безпросвѣтно-темная ночь, и хотѣлось въ тепло, къ яркому огню, къ любящему женскому сердцу.

Собака выла.

Андреевъ.

66. Перепелка.

Мнѣ было лѣтъ десять, когда со мной случилось то, что я вамъ сейчасъ разскажу.

Дѣло было лѣтомъ. — Я жилъ тогда съ отцомъ на хуторѣ въ южной Россіи. Кругомъ хутора на нѣсколько верстъ тянулись степныя мѣста. Ни лѣсу, ни рѣки близко не было; неглубокіе овраги, заросшіе кустарникомъ, точно длинныя зеленыя змѣи, прорѣзали тамъ и сямъ ровную степь. Ручейки сочились по дну этихъ овраговъ; кой-гдѣ, подъ самой кручью, виднѣлись роднички, съ чистой, какъ слеза, водою; къ нимъ вели протоптанныя тропинки — и возлѣ воды, на сырой грязцѣ, перекрещивались слѣды птицъ и мелкихъ звѣрковъ. Имъ хорошая вода такъ же нужна, какъ и людямъ.

Отецъ мой былъ страстнымъ охотникомъ; и какъ только не былъ занятъ по хозяйству — и погода стояла хорошая — онъ бралъ ружье, надѣвалъ ягдташъ, звалъ своего стараго Трезора и отправлялся стрѣлять куропатокъ и перепеловъ. Зайцами онъ пренебрегалъ, предоставляя ихъ псовымъ охотникамъ, которыхъ величалъ борзятниками. Другой дичи у насъ не водилось, развѣ вотъ осенью налетали вальдшнепы. Но перепеловъ и куропатокъ было много, особенно куропатокъ. По опушкамъ овраговъ то и дѣло попадались разрытые кружки

сухой пыли, мѣстечки, гдѣ онѣ копались. Старый Трезоръ тотчасъ дѣлалъ стойку, при чемъ его хвостъ дрожалъ и кожа на лбу сдвигалась складками; а у отца лицо блѣднѣло — и онъ осторожно взводилъ курки. Онъ часто бралъ меня съ собою. . . . большое это было для меня удовольствіе! Я засовывалъ штаны въ голенища, надѣвалъ черезъ плечо фляжку — и самъ воображалъ себя охотникомъ! Потъ лилъ съ меня градомъ, мелкіе камешки забивались мнѣ въ сапоги; но я не чувствовалъ усталости и не отставалъ отъ отца. Когда же раздавался выстрѣлъ и птица падала, я всякій разъ подпрыгивалъ на мѣстѣ и даже кричалъ — такъ мнѣ было весело! Раненая птица билась и хлопала крыльями то на травѣ, то въ зубахъ Трезора — съ нея текла кровь, а мнѣ все-таки было весело, и никакой жалости я не ощущалъ. Чего бы я не далъ, чтобы самому стрѣлять изъ ружья и убивать куропатокъ и перепеловъ. Но отецъ объявилъ мнѣ, что раньше двадцати лѣтъ у меня ружья не будетъ; и ружье онъ мнѣ дастъ одноствольное и стрѣлять позволитъ только жаворонковъ. Этихъ жаворонковъ въ нашихъ мѣстахъ водилось множество; бывало въ хорошій солнечный день цѣлые десятки ихъ вились на ясномъ небѣ, поднимаясь все выше и выше и звеня какъ колокольчики. Я глядѣлъ на нихъ какъ на свою будущую добычу и прицѣливался въ нихъ палочкой, которую носилъ на плечѣ замѣсто ружья. Попасть въ нихъ очень легко, когда они въ двухъ, трехъ аршинахъ отъ земли останавливаются въ воздухѣ и трепещутся, прежде чѣмъ вдругъ плюхнуть въ траву. — Иногда далеко въ полѣ, на жнивьѣ или на зеленяхъ торчали дрохвы; вотъ, думалось мнѣ, такую большую штуку убить — да послѣ этого и жить не надо! Я указывалъ на нихъ отцу; но онъ всякій разъ говорилъ мнѣ, что дрохва — птица осторожная и человѣка близко не подпускаетъ. Однако, разъ онъ попытался подкрасться къ одинокой дрохвѣ, полагая, что она подстрѣленная и отстала отъ своего стада. Велѣлъ Трезору идти за нимъ слѣдомъ — а мнѣ такъ и вовсе остаться на мѣстѣ; зарядилъ ружье картечью, еще разъ обернулся къ Трезору, даже пригрозился ему, шопотомъ скомандовалъ: «арръеръ! арръеръ!» скорчился

въ три погибели и пошелъ — не прямо къ драхвѣ, а стороною! Трезоръ хоть и не скорчился, но выступалъ тоже очень удивительно: раскарякой — и хвостъ поджалъ и одну губу закусилъ. — Я не вытерпѣлъ и чуть не ползкомъ отправился за отцомъ и за Трезоромъ. Однако, драхва и на триста шаговъ насъ не подпустила; сперва побѣжала, потомъ замахала крыльями и полетѣла. Отецъ выстрѣлилъ и только вслѣдъ ей посмотрѣлъ . . . Трезоръ выскочилъ впередъ и тоже посмотрѣлъ. Посмотрѣлъ и я . . . и такъ мнѣ обидно стало! Что бы, кажется, ей еще немного подождать! Картечь непремѣнно бы ее достала!

Вотъ однажды мы съ отцомъ отправились на охоту — подъ самый Петровъ день. Въ то время молодыя куропатки еще малы бываютъ, отецъ не хотѣлъ ихъ стрѣлять и пошелъ въ мелкіе дубовые кустики, возлѣ ржаного поля, гдѣ всегда попадались перепела. Косить тамъ было неудобно — и трава долго стояла нетронутой. Цвѣтовъ росло тамъ много: журавлинаго горошку, кашки, колокольчиковъ, незабудокъ, полевыхъ гвоздикъ. — Когда я ходилъ туда съ сестрой или съ горничной, то всегда набиралъ ихъ цѣлую охапку; но когда я ходилъ съ отцомъ, то цвѣтовъ не рвалъ; я находилъ это занятіе недостойнымъ охотника.

Вдругъ Трезоръ сдѣлалъ стойку; отецъ мой закричалъ: «пиль!» и изъ-подъ самаго носа Трезора вскочила перепелка — и полетѣла. Только полетѣла она очень странно: кувыркалась, вертѣлась, падала на землю — точно она была раненая или крыло у ней надломилось. Трезоръ со всѣхъ ногъ бросился за нею . . . онъ этого не дѣлалъ, когда птица летѣла, какъ слѣдуетъ. Отецъ даже выстрѣлить не могъ, онъ боялся, что зацѣпитъ дробью собаку. — И вдругъ смотрю: Трезоръ наддалъ — и цапъ! Схватилъ перепелку, принесъ и подалъ ее отцу. Отецъ взялъ ее и положилъ себѣ на ладонь, брюшкомъ кверху. — Я подскочилъ. — Что это, говорю: она раненая была? — Нѣтъ, отвѣтилъ мнѣ отецъ; она не была раненая; а у ней, должно быть, здѣсь близко гнѣздо съ маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что ее легко поймать. — Для чего же она это

дѣлаетъ? спросилъ я. — А для того, чтобы отвести собаку отъ своихъ маленькихъ. — Потомъ бы она хорошо полетѣла. Только на этотъ разъ она не разочла; ужъ слишкомъ притворилась — и Трезоръ ее поймалъ. — Такъ она не раненая? спросилъ я опять. — Нѣтъ . . . но живой ей не быть . . . Трезоръ ее, должно быть, давнулъ зубомъ. — Я пододвинулся ближе къ перепелкѣ. Она неподвижно лежала на ладони отца, свѣсивъ головку — и глядѣла на меня сбоку своимъ каримъ глазкомъ. — И мнѣ вдругъ такъ жаль ее стало! Мнѣ показалось, она глядитъ на меня и думаетъ: за что я умирать должна? — За что? Вѣдь я свой долгъ исполняла; маленькихъ своихъ старалась спасти, отвести собаку подальше — и вотъ попалась! Бѣдняжка я! бѣдняжка! — Несправедливо это! Несправедливо!

— Папаша! сказалъ я, да, можетъ, бытьона не умретъ . . . и хотѣлъ погладить перепелочку по головкѣ. Но отецъ сказалъ мнѣ: Нѣтъ! — Вотъ посмотри: у ней сейчасъ лапки вытянутся, она вся затрепещется, и закроются ея глаза. — Такъ оно точно и случилось. Какъ только у ней закрылись глаза — я заплакалъ. — Чему ты? спросилъ отецъ и засмѣялся. — Жаль мнѣ ее, сказалъ я. Она долгъ свой исполняла — а ее убили! Это несправедливо! — Она схитрить хотѣла, отвѣтилъ мнѣ отецъ. Только Трезоръ ее перехитрилъ. — Злой Трезоръ! подумалъ я . . . да и самъ отецъ показался мнѣ на этотъ разъ не добрымъ. Какая же тутъ хитрость? Тутъ любовь къ дѣтенышамъ — а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобы дѣтей своихъ спасать — такъ не слѣдовало Трезору ее поймать! Отецъ хотѣлъ-было сунуть перепелку въ ягдташъ, но я ее у него выпросилъ, положилъ ее бережно въ обѣ ладони, подышалъ на нее . . . не очнется ли она? — Однако она не шевелилась. — Напрасно, братъ, сказалъ отецъ, ее не воскресишь. Вишь, головка у ней болтается. — Я тихонько приподнялъ ее за носикъ; но только я отнялъ руку — головка опять упала. Тебѣ все ее жаль? спросилъ меня отецъ. — А кто же маленькихъ кормить будетъ? спросилъ я въ свою очередь. — Отецъ пристально посмотрѣлъ на меня. — Не безпокойся, говоритъ, самецъ-

перепелъ, отецъ ихъ, выкормитъ. Да вотъ постой, прибавилъ онъ, никакъ Трезоръ опять стойку дѣлаетъ . . . ужъ это не гнѣздо ли? Гнѣздо и есть.

И точно . . . въ травѣ, въ двухъ шагахъ отъ Трезоровой морды, тѣсно, рядышкомъ, лежали четыре птенчика; прижались другъ къ дружкѣ, вытянули шейки — и всѣ такъ скоро, въ одинъ разъ дышатъ . . . точно дрожатъ! А ужъ оперились; пуху на нихъ нѣтъ — только хвостики еще очень короткіе. — Папа! папа! закричалъ я благимъ матомъ . . . отзови Трезора! а то онъ ихъ тоже убьетъ!

Отецъ крикнулъ на Трезора, и отойдя немного въ сторону, присѣлъ подъ кустикъ, чтобы позавтракать. А я остался возлѣ гнѣзда, не захотѣлъ завтракать. Вынулъ чистый платокъ, положилъ на него перепелку . . . «Смотрите, молъ, сиротки, вотъ ваша мать! Она собой для васъ пожертвовала!» Птенчики попрежнему дышали скоро, всѣмъ тѣломъ. Потомъ я подошелъ къ отцу. — Можешь ты мнѣ подарить эту перепелочку? спросилъ я его. — Изволь. Но что ты хочешь съ ней дѣлать? — Я хочу ее похоронить! — Похоронить?! — Да; возлѣ ея гнѣздышка. Дай мнѣ твой ножъ; я ей могилочку вырою. — Отецъ удивился. — Чтобъ дѣтки къ ней на могилу ходили? спросилъ онъ. — Нѣтъ, отвѣчалъ я; а такъ . . . мнѣ хочется. — Ей будетъ тутъ хорошо лежать, возлѣ своего гнѣзда! — Отецъ ни слова не промолвилъ; досталъ и подалъ мнѣ ножъ. Я тотчасъ же вырылъ ямочку; поцѣловалъ перепелочку въ грудку, положилъ ее въ ямочку — и засыпалъ землею. Потомъ я тѣмъ же ножомъ срѣзалъ двѣ вѣтки, очистилъ ихъ отъ коры, сложилъ ихъ крестомъ, перевязалъ былинкой и воткнулъ въ могилку. — Скоро мы съ отцомъ пошли дальше; но я все оглядывался... Крестъ былъ бѣленькій — и далеко виднѣлся.

А ночью мнѣ приснился сонъ: будто я на небѣ; и что же? На небольшомъ облачкѣ сидитъ моя перепелочка, только тоже вся бѣленькая, какъ тотъ крестикъ! И на головѣ у ней маленькій золотой вѣнчикъ; и будто это ей въ награду за то, что она за своихъ дѣтей пострадала!

Дней черезъ пять мы съ отцомъ пришли опять на то же мѣсто. — Я и могилку нашелъ по кресту, который хоть и пожелтѣлъ, но не свалился. — Однако гнѣздышко было пусто, птенчиковъ ни слѣда. Мой отецъ меня увѣрилъ, что старикъ ихъ увелъ, ихъ отецъ; — и когда, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, вылетѣлъ изъ-подъ куста старый перепелъ, онъ его стрѣлять не сталъ . . . Я и подумалъ: «Нѣтъ! Папа добрый!»

Но вотъ что удивительно: съ того дня пропала моя страсть къ охотѣ, и я уже не думалъ о томъ времени, когда отецъ подаритъ мнѣ ружье! Однако, когда я выросъ, я тоже началъ стрѣлять: но настоящимъ охотникомъ никогда не сдѣлался . . . Тургеневъ.

67. Птичка.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.

Я сталъ доступенъ утѣшенью:
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

Пушкинъ.

68. Ловля птицъ.

Я рѣшилъ заняться ловлей пѣвчихъ птицъ; мнѣ казалось, что это хорошо прокормитъ, я буду ловить, а бабушка — продавать. Купилъ сѣть, кругъ, западни, надѣлалъ клѣтокъ, и вотъ, на разсвѣтѣ, я сижу въ оврагѣ, въ кустахъ, а бабушка съ корзиной и мѣшкомъ ходитъ по лѣсу, собирая послѣдніе грибы, калину, орѣхи.

Только что поднялось усталое сентябрьское солнце; его бѣлые лучи то гаснутъ въ облакахъ, то серебрянымъ вѣеромъ падаютъ въ оврагъ ко мнѣ. На днѣ оврага еще сумрачно, оттуда поднимается бѣлесый туманъ; крутой, глинистый бокъ оврага теменъ и голъ, а другая сторона, болѣе пологая, прикрыта жухлой травой, густымъ кустарникомъ, въ желтыхъ, рыжихъ и красныхъ листьяхъ; свѣжій вѣтеръ срываетъ ихъ и мечетъ по оврагу.

На днѣ, въ рѣпьяхъ, кричатъ щеглята, я вижу въ сѣрыхъ отрепьяхъ бурьяна алые чепчики на бойкихъ го-

ловкахъ птицъ. Вокругъ меня щелкаютъ любопытныя синицы; смѣшно надувая бѣлыя щеки, онѣ шумятъ и суетятся, точно молодыя кунавинскія мѣщанки въ праздникъ; быстрыя, умненькія, злыя, онѣ хотятъ все знать, все потрогать, и попадаютъ въ западню одна за другою. Жалко видѣть, какъ онѣ бьются, но мое дѣло торговое, суровое; я пересаживаю птицъ въ запасныя клѣтки и прячу въ мѣшокъ, — во тьмѣ онѣ сидятъ смирно.

На кустъ боярышника опустилась стая чижей, кустъ облитъ солнцемъ, чижи рады солнцу и щебечутъ еще веселѣй; по ухваткамъ они похожи на мальчишекъ-школьниковъ. Жадный, домовитый сорокопутъ запоздалъ улетѣть въ теплые края, сидитъ на гибкой вѣткѣ шиповника, чиститъ носомъ перья крыла и зорко высматриваетъ добычу черными глазами. Вспорхнулъ вверхъ жаворонкомъ, поймалъ шмеля, заботливо насадилъ его на шипъ и снова сидитъ, вращая сѣрой, вороватой головкой. Безшумно пролетѣла вѣщая птица щуръ — предметъ жадныхъ мечтаній моихъ, вотъ бы поймать! Снѣгирь, отбившійся отъ стаи, сидитъ на ольхѣ, красный, важный, какъ генералъ, и сердито поскрипываетъ, качая чернымъ носомъ.

Чѣмъ выше солнце, тѣмъ больше птицъ и веселѣе ихъ щебетъ. Весь оврагъ наполняется музыкой, ея основной тонъ — непрерывный шелестъ кустарника подъ вѣтромъ; задорные голоса птицъ не могутъ заглушить этотъ тихій, сладко-грустный шумъ, я слышу въ немъ прощальную пѣснь лѣта, онъ нашептываетъ мнѣ какія-то особенныя слова и они сами собою складываются въ пѣсню. А въ то же время, память, помимо воли моей, возстановляетъ картины прожитого.

Откуда-то сверху кричитъ бабушка: — Ты — гдѣ? — Она сидитъ на краю оврага, разостлала платокъ, разложила на немъ хлѣбъ, огурцы, рѣпу, яблоки; среди всей этой благостыни стоитъ, блестя на солнцѣ, маленькій, очень красивый граненый графинъ, съ хрустальной пробкой — головой Наполеона, въ графинѣ — шкаликъ водки, настоенной на звѣробоѣ. — Хорошо-то какъ, Господи! — благодарно говоритъ бабушка. — А я пѣсню сложилъ! — Да — ну? — Я говорю ей что-то, похожее на стихи:

— Все ближе зима, все замѣтнѣе.
Прощай, мое солнышко лѣтнее! . .

Но она, не дослушавъ меня, перебиваетъ: — Такая пѣсня — есть, только она — лучше! — И нараспѣвъ говоритъ:

Ой, уходитъ солнце лѣтнее
Въ темны ночи, за далекіе лѣса!
Эхъ, осталася я, дѣвушка,
Безъ весенней моей радости, одна . . .
Выйду ль утромъ за околицу,
Вспомню майскія гулянки мои, —
Поле чистое нерадостно глядитъ, —
Потеряла я въ немъ молодость свою.
Ой, подруженьки, любезныя мои!
Ужъ какъ выпадетъ да первый легкій снѣгъ, —
Выньте сердце изъ бѣлой моей груди,
Схороните мое сердце во снѣгу! . .

Мое авторское самолюбіе ни мало не страдаетъ, мнѣ очень нравится пѣсня и очень жалко дѣвушку. — Вотъ, какъ горе поется! Это, видишь, дѣвица сложила: погуляла она съ весны-то, а къ зимѣ милъ-любовникъ бросилъ ее, можетъ, къ другой отошелъ, и восплакала она отъ сердечной обиды . . . Чего самъ не испытаешь — про то хорошо-вѣрно не скажешь, а она, видишь, какъ хорошо составила пѣсню!

Когда она впервые продала птицъ на сорокъ копеекъ, это очень удивило ее. — Гляди-ко ты! Я думала — пустое дѣло, мальчишья забава, а оно вонъ какъ обернулось! — Дешево еще продала . . . — Да — ну?

Въ базарные дни она продавала на рубль и болѣе, и все удивлялась: какъ много можно заработать пустяками!

— А женщина цѣлый день стираетъ бѣлье, или полы моетъ по четвертаку въ день, вотъ — и пойми! А вѣдь нехорошо это! И птицъ держать въ клѣткахъ нехорошо. Брось-ко ты это, Олеша!

Но я очень увлекся птицеловствомъ, оно мнѣ нравилось и, оставляя меня независимымъ, не причиняло неудобствъ никому, кромѣ птицъ. Я обзавелся хорошими снастями; бесѣды со старыми птицеловами многому научили меня, я одинъ ходилъ ловить птицъ почти за тридцать

верстъ, въ Кстовскій лѣсъ, на берегъ Волги, гдѣ, въ мачтовомъ соснякѣ, водились клесты и цѣнимыя любителями синицы-аполлоновки — длиннохвостыя бѣлыя птички рѣдкой красоты.

Бывало — выйдешь съ вечера и всю ночь шлепаешь по казанскому тракту, иногда — подъ осеннимъ дождемъ, по глубокой грязи. За спиною обшитый клеенкой мѣшокъ, въ немъ садки и клѣтки съ приманочной птицей. Въ рукѣ солидная орѣховая палка. Холодновато и боязно въ осенней тьмѣ, очень боязно! . . . Стоятъ по сторонамъ дороги старыя, битыя громомъ березы, простирая надъ головой моей мокрые сучья; слѣва, подъ горой, надъ черной Волгой, плывутъ, точно въ бездонную пропасть уходя, рѣдкіе огоньки на мачтахъ послѣднихъ пароходовъ и баржъ, бухаютъ колеса по водѣ, гудятъ свистки.

Съ чугунной земли встаютъ избы придорожныхъ деревень, подкатываются подъ ноги сердитыя, голодныя собаки, сторожъ бьетъ въ било и пугливо кричитъ: — Кто идетъ? Кого черти носятъ, — не къ ночи будь сказано? — Я очень боялся, что у меня отнимутъ снасти, и бралъ съ собою для сторожей пятаки. Въ деревнѣ Ѳокиной сторожъ подружился со мной и все ахалъ: — Опять идешь? Ахъ, ты, безстрашный, непокойной житель ночной, а? — Звали его Нифонтъ, былъ онъ маленькій, сѣденькій, похожій на святого, часто онъ доставалъ изъ-за пазухи рѣпу, яблоко, горсть гороху и совалъ мнѣ въ руки, говоря: — На-ко, другъ, я-те гостинцу припасъ, покушай въ сладость. — И провожалъ меня до околицы. — Айда, съ Богомъ!

Въ лѣсъ я приходилъ къ разсвѣту, налаживалъ снасти, развѣшивалъ манковъ, ложился на опушкѣ лѣса и ждалъ, когда придетъ день. Тихо. Все вокругъ застыло въ крѣпкомъ осеннемъ снѣ; сквозь сѣроватую мглу чуть видны подъ горою широкіе луга; они разрѣзаны Волгой, перекинулись черезъ нее и расплылись, растаяли въ туманахъ. Далеко, за лѣсами луговой стороны, восходитъ, не торопясь, посвѣтлѣвшее солнце, на черныхъ гривахъ лѣсовъ вспыхиваютъ огни и начинается странное, трогающее душу движеніе: все быстрѣе встаетъ туманъ съ луговъ и серебрится въ солнечномъ лучѣ, а за нимъ под-

нимаются съ земли кусты, деревья, стога сѣна, луга точно таютъ подъ солнцемъ и текутъ во всѣ стороны, рыжевато-золотые. Вотъ солнце коснулось тихой воды у берега, кажется, что вся рѣка подвинулась, подалась туда, гдѣ окунулось солнце. Восходя все выше, оно, радостное, благословляетъ, грѣетъ оголенную, озябшую землю, а земля кадитъ сладкими запахами осени. Прозрачный воздухъ показываетъ землю огромной, безконечно расширяя ее. Все плыветъ въ даль и манитъ дойти до синихъ краевъ земли. Я видѣлъ восходъ солнца въ этомъ мѣстѣ десятки разъ, и всегда предо мною рождался новый міръ, по новому красивый . . .

Я какъ-то особенно люблю солнце, мнѣ нравится самое имя его, сладкіе звуки имени, звонъ, скрытый въ нихъ; люблю, закрывъ глаза, подставить лицо горячему лучу, поймать его на ладонь руки, когда онъ проходитъ мечомъ сквозь щель забора, или между вѣтвей. Дѣдушка очень почитаетъ «князя Михаила Черниговскаго и боярина Ѳеодора, не поклонившихся солнцу» — эти люди кажутся мнѣ черными, какъ цыгане, угрюмыми, злыми, и у нихъ всегда больные глаза, какъ у бѣдной мордвы. Когда солнце поднимется надъ лугами, я невольно улыбаюсь отъ радости.

Надо мною звенитъ хвойный лѣсъ, отряхая съ зеленыхъ лапъ капли росы; въ тѣни, подъ деревьями, на узорныхъ листьяхъ папоротника сверкаетъ серебряной парчой иней утренняго заморозка. Порыжѣвшая трава примята дождями, склоненные къ землѣ стебли неподвижны, но — когда на нихъ падаетъ свѣтлый лучъ — замѣтенъ легкій трепетъ въ травахъ, быть можетъ, послѣднее усиліе жизни.

Проснулись птицы; сѣрыя московки пуховыми шариками падаютъ съ вѣтки на вѣтку, огненные клесты крошатъ кривыми носами шишки на вершинахъ сосенъ, на концѣ сосновой лапы качается бѣлая аполлоновка, взмахивая длинными рулевыми перьями, черный бисерный глазокъ недовѣрчиво косится на сѣть, растянутую мной. И какъ-то вдругъ слышишь, что уже весь лѣсъ, за минуту важно задумчивый, налился сотнями птичьихъ

голосовъ, наполненъ хлопотами живыхъ существъ, чистѣйшихъ на землѣ, — по образу ихъ человѣкъ, отецъ красоты земной, создалъ въ утѣшеніе себѣ эльфовъ, херувимовъ, серафимовъ и весь ангельскій чинъ.

Мнѣ немножко жалко ловить пичужекъ, совѣстно сажать ихъ въ клѣтки, мнѣ больше нравится смотрѣть на нихъ, но охотничья страсть и желаніе заработать денегъ побѣждаютъ сожалѣніе.

Птицы смѣшатъ меня своими хитростями: лазоревая синица внимательно и подробно осмотрѣла западню, поняла, чѣмъ она грозитъ ей, и, зайдя сбоку, безопасно, ловко таскаетъ сѣмя сквозь палочки западни. Синицы очень умны, но онѣ слишкомъ любопытны, и это губитъ ихъ. Важные снѣгири — глуповаты, они идутъ въ сѣть цѣлой стаей, какъ сытые мѣщане въ церковь; когда ихъ накроешь, они очень удивлены, выкатываютъ глаза и щиплютъ пальцы толстыми клювами. Клестъ идетъ въ западню спокойно и солидно; поползень, невѣдомая, ни на кого не похожая птица, долго сидитъ передъ сѣтью, поводя длиннымъ носомъ, опираясь на толстый хвостъ; онъ бѣгаетъ по стволамъ деревьевъ, какъ дятелъ, всегда сопровождая синицъ. Въ этой дымчатой пичужкѣ есть что-то жуткое, она кажется одинокой, никто ее не любитъ и она никого. Онъ, какъ сорока, любитъ воровать и прятать мелкія блестящія вещи.

Къ полудню я кончаю ловлю, иду домой лѣсомъ и полями, — если идти большой дорогой, черезъ деревни, мальчишки и парни отнимутъ клѣтки, порвутъ и поломаютъ снасть, — это ужъ было испытано мною.

Я прихожу къ вечеру усталый, голодный, но мнѣ кажется, что за день я выросъ, узналъ что-то новое, сталъ сильнѣе . . .

Горькій.

69. Звѣзды ясныя . . .

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя;
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цвѣты, опьяненные росами,

Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя —
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.
И земля, подъ весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу безумно влюбленную.
И теперь, въ эти дни многотрудные,
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво чудныя! Фофановъ.

70. Украинская степь.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ вѣсть, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною точкою; вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ . . . Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши! . . .

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась: все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался до щекъ. Вся музыка, звучавшая днемъ, утихала и смѣнялась другою. Пестрые суслики выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву: весь ихъ трескъ, свистъ, стрекотанье, — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ воздухѣ и убаюкивало дремлющій слухъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Гоголь.

71. Цыганы.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все; луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальное глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.

И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось — и вотъ,
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ вослѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ, —
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо-непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Пушкинъ.

72. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Пушкинъ.

73. Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь, и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ.

Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ въ небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею — напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня; виденъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, дастъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли; а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ, — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Гоголь.

74. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

«Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня».

— «Волхвы не боятся могущихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Царяграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валъ,
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы . . .
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могущему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ и сѣча ему — ничего;
Но примешь ты смерть отъ коня своего».

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньѣ, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый,
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга, —
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя,
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите!»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана,
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана . . .
Они поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ», промолвилъ Олегъ;
«Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все такъ же ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: «На холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ».

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье, —
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «Спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента; вкругъ ногъ обвилась, —
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега:
Бойцы поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они. Пушкинъ.

75. Ночлегъ въ деревнѣ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ.
Закоптѣлыя палати,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряхи, плачъ дитяти . . .
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть . . .
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть! Никитинъ.

76. Деревня.

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія — родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ — не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь . . . воздухъ — молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой — и дегтемъ маленько — и маленько кожей. — Конопляники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, книзу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь. — Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба, — синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага — по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять-шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный, крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, настороживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только-что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припекѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни въ чистыхъ, низко подпоясанныхъ рубахахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу, — зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется, не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ навален номъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца . . . Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха-хозяйка въ новой клѣтчатой паневѣ, въ новыхъ котахъ.

Крупныя, дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ доживаетъ старушка . . . а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ, неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба. — «Кушай, молъ, на здоровье, заѣзжій гость!»

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертой теленокъ.

— Ай да овесъ! — слышится голосъ моего кучера . . .

О, довольство, покой, избытокъ русской, вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ Святой Софіи въ Царь-Градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди? Тургеневъ.

77. Эти бѣдныя селенья . . .

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ благословляя.

Тютчевъ.

78. Раздумье селянина.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,

Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря . . .

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую;

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Кольцовъ.

79. Дорога.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ . . . покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся . . . Какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся: и «Не бѣлы снѣги», и санъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся — пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви со старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые, полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ-одинёшенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брезжитъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ — что до нихъ? А ночь! . . Небесныя силы!

какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь, и забываешься, и храпишь — и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся — и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ. Толчокъ — и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. «Полегче! легче!» слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже! какъ ты хороша подчасъ, далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!..

Гоголь.

80. Лѣсъ и степь.

Охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ; но, положимъ, вы не родились охотникомъ: вы все-таки любите природу; вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату... Слушайте.

Знаете ли вы, напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо.... На темно-сѣромъ небѣ кое-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ, кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя

ёжатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только-что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга . . . Вы ѣдете — ѣдете мимо церкви, съ горы направо, черезъ плотину . . . Прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ. Но вотъ, вы отъѣхали версты четыре . . . край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ, заря разгорается; вотъ, уже золотыя полосы протянулись по небу, въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ, предразсвѣтный вѣтеръ подулъ, — и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ, за рощей деревня; вонъ, подальше, другая, съ бѣлой церковью, вонъ, березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете . . . Живѣе, кони, живѣе! Крупной рысью впередъ! . . . Версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто . . . Погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ навстрѣчу. Вы взобрались на гору . . . Какой видъ! Рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухѣ, ясно выступаетъ даль . . . не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышитъ грудь, какъ быстро движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханьемъ весны! . . .

А лѣтнее, іюльское утро! Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ?

Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по росистой, побѣлѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ, — васъ такъ и обдастъ накопившимся теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и «кашки»; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ, и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жары. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца . . . Кое-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь, узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ, заскрипѣла телѣга; шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь . . . Вы поздоровались съ нимъ, отошли — звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ, уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой . . . Небо темнѣетъ по краямъ; колючимъ зноемъ пышетъ неподвижный воздухъ. — «Гдѣ бы, братъ, тутъ напиться?» спрашиваете вы у косаря. — «А вонъ, въ оврагѣ колодезь.» Сквозь густые кусты орѣшника, перепутанные цѣпкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: подъ самымъ обрывомъ таится источникъ; дубовый кустъ жадно раскинулъ надъ водою свои лапчатые сучья; большіе серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытаго мелкимъ, бархатнымъ мхомъ. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевельнуться. Вы въ тѣни; вы дышите пахучей сыростью; вамъ хорошо, а противъ васъ кусты раскаляются и словно желтѣютъ на солнцѣ. Но что это? Вѣтеръ внезапно налетѣлъ и промчался; воздухъ дрогнулъ кругомъ; ужъ не громъ ли? Вы выходите изъ оврага . . . что за свинцовая полоса на небосклонѣ? Зной ли густѣетъ? туча ли надвигается? . . . Но вотъ, слабо сверкнула молнія . . . Э, да это гроза! Кругомъ еще ярко свѣтитъ солнце: охотиться еще можно. Но туча растетъ: передній ея край вытягивается рукавомъ, наклоняется сводомъ. Трава, кусты, все вдругъ потемнѣло . . . Скорѣй! вонъ, кажется, виднѣется сѣнной сарай . . . скорѣе! . . . Вы добѣжали, вошли . . . Каковъ дождикъ? каковы молніи? Кое-гдѣ сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сѣно . . . Но вотъ, солнце опять заиграло.

Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, какъ весело сверкаетъ все кругомъ, какъ воздухъ свѣжъ и жидокъ, какъ пахнетъ земляникой и грибами! . . .

Но вотъ, наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полъ-неба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ-то особенно прозраченъ, словно стеклянный; вдали ложится мягкій паръ, теплый на видъ; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потоками жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни . . . Солнце сѣло; звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката . . . Вотъ, оно блѣднѣетъ; синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни исчезаютъ; воздухъ наливается мглою. Пора домой, въ деревню, въ избу, гдѣ вы ночуете. Закинувъ ружье за плечи, быстро идете вы, несмотря на усталость . . . А между тѣмъ наступаетъ ночь; за двадцать шаговъ уже не видно; собаки едва бѣлѣютъ во мракѣ. Вонъ, надъ черными кустами край неба смутно яснѣетъ . . . Что это? — пожаръ? . . . Нѣтъ, это восходитъ луна. А вонъ, внизу, направо, уже мелькаютъ огоньки деревни . . . Вотъ, наконецъ, и ваша изба . . . Сквозь окошко видите вы столъ, покрытый бѣлой скатертью, горящую свѣчу, ужинъ . . .

А то велишь заложить бѣговыя дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя, висячія вѣтки березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью: онъ идетъ къ запаху ландышей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ . . . Лѣсъ глохнетъ . . . Неизъяснимая тишина западаетъ въ

душу; да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ, вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кое-гдѣ растутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ, собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ . . .

И какъ этотъ же самый лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы! Они не держатся въ самой глуши: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кое-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. Спокойно дышитъ грудь, а на душу находитъ странная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память, давнымъ-давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображенье рѣетъ и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами. Сердце то вдругъ задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ. Вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ; всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всею своею душою владѣетъ человѣкъ. И ничего кругомъ ему не мѣшаетъ — ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шуму . . .

А осенній, ясный, немножко холодный, утромъ морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ, когда низкое солнце уже не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго, небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долинъ, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе, покоробленные листья, — когда по рѣкѣ радостно мчатся синія волны, мѣрно взды-

мая развѣянныхъ гусей и утокъ; вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней . . .

Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять: птица, выпорхнувъ у васъ изъ-подъ ногъ, тотчасъ же исчезаетъ въ бѣловатой мглѣ неподвижнаго тумана. Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось, и все молчитъ. Вы проходите мимо дерева — оно не шелохнется: оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, ровно разлитый въ воздухѣ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите — лѣсъ превращается въ высокую грядку полыни на межѣ. Надъ вами, кругомъ васъ — всюду туманъ . . . Но вотъ, вѣтеръ слегка шевельнется — клочокъ блѣдно-голубого неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно задымившійся паръ, золотисто-желтый лучъ ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рощу, — и вотъ, опять все заволоклось. Долго продолжается эта борьба; но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ, наконецъ, восторжествуетъ и послѣднія волны согрѣтаго тумана то скатываются и разстилаются скатертями, то извиваются и исчезаютъ въ глубокой, нѣжно-сіяющей вышинѣ . . .

Но вотъ, вы собрались въ отъѣзжее поле, въ степь. Верстъ десять пробирались вы по проселочнымъ дорогамъ — вотъ, наконецъ, большая. Мимо безконечныхъ обозовъ, мимо постоялыхъ двориковъ съ шипящимъ самоваромъ подъ навѣсомъ, раскрытыми настежь воротами и колодцемъ, отъ одного села до другого, черезъ необозримыя поля, вдоль зеленыхъ коноплянниковъ, долго, долго ѣдете вы. Сороки перелетаютъ съ ракиты на ракиту; бабы, съ длинными граблями въ рукахъ, бредутъ въ полѣ; прохожій человѣкъ въ поношенномъ нанковомъ кафтанѣ, съ котомкой за плечами, плетется усталымъ шагомъ; грузная помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ рослыхъ и разбитыхъ лошадей, плыветъ вамъ навстрѣчу. Изъ окна торчитъ уголъ подушки, а на запяткахъ, на кулькѣ, придерживаясь за веревочку, сидитъ бокомъ ла-

кей, въ шинели, забрызганный до самыхъ бровей. Вотъ уѣздный городокъ съ деревянными, кривыми домишками, безконечными заборами, купеческими необитаемыми каменными строеніями, стариннымъ мостомъ надъ глубокимъ оврагомъ . . . Далѣе, далѣе! . . . Пошли степныя мѣста. Глянешь съ горы — какой видъ! Круглые, низкіе холмы, распаханные и засѣянные до-верху, разбѣгаются широкими волнами; заросшіе кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки, церкви бѣлѣютъ; между лозниками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ перехваченная плотинами, далеко въ полѣ гуськомъ торчатъ дрхвы; старенькій господскій домъ со своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду. Но далѣе, далѣе ѣдете вы. Холмы все мельче и мельче, дерева почти не видать. Вотъ она, наконецъ, — безграничная, необозримая степь! . . .

А въ зимній день ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами, дышать морознымъ, острымъ воздухомъ, невольно щуриться отъ ослѣпительнаго мелкаго сверканья мягкаго снѣга, любоваться зеленымъ цвѣтомъ неба надъ красноватымъ лѣсомъ! . . . И первые весенніе дни, когда кругомъ все блеститъ и обрушается, сквозь тяжелый паръ талаго снѣга уже пахнетъ согрѣтой землей, на проталинкахъ, подъ косымъ лучомъ солнца, довѣрчиво поютъ жаворонки, и, съ веселымъ шумомъ и ревомъ, изъ оврага въ оврагъ клубятся потоки . . . Тургеневъ.

81. Китай-городъ.

Въ «городѣ», на площади, противъ биржи, шла будничная дообѣденная жизнь. Выдался теплый сентябрьскій день, съ легкимъ вѣткомъ. Солнца было много. Оно падало столбомъ на средину площади, между громаднымъ домомъ Троицкаго подворья и рядомъ лавокъ и конторъ. Вправо оно свѣтило вдоль Ильинки, захватывало вереницу широкихъ вывѣсокъ съ золотыми буквами, пестрыхъ навѣсокъ, столбовъ, выкрашенныхъ въ зеленую краску, лотковъ съ апельсинами, грушами, мокрой, липкой шеп-

талой и многоцвѣтными леденцами. Улица и площадь смотрѣли веселой ярмаркой. Во всѣхъ направленіяхъ тянулись возы, дроги, цѣлые обозы. Между ними извивались извозчичьи пролетки, изрѣдка проѣзжала карета, выкидывалъ ногами сѣрый, жирный жеребецъ въ широкой купеческой эгоисткѣ московскаго фасона. На перекресткахъ выходили безпрестанныя остановки. Кучера, извозчики, ломовые кричали и ходко ругались. Городовой что-то такое жужжалъ и махалъ рукой. Растерявшаяся покупательница, не добѣжавъ до другого тротуара, роняла картузъ съ чѣмъ-то съѣстнымъ и громко ахала. По острой разъѣзженной мостовой грохотъ и шумъ немолчно носились густыми волнами и заставляли вздрагивать стекла магазиновъ. Тучки пыли летѣли отовсюду. Возы и обозы наполняли воздухъ всякими испареніями и запахами, — то отдастъ москательнымъ товаромъ, то спиртомъ, то конфетами. Или вдругъ откуда-то дольется струя, вся переполненная постнымъ масломъ, или лукомъ, или соленой рыбой. Снизу, изъ-за биржи, съ задовъ стараго гостинаго двора поползетъ цѣлая полоса воздуха, пресыщеннаго прѣснымъ отвкусомъ бумажнаго товара, прессованныхъ штукъ бумазеи, миткалю, ситцу, толстой оберточной бумаги.

Нѣтъ конца телѣгамъ и дрогамъ. Везутъ ящики кантонскаго чая въ зеленоватыхъ рогожкахъ съ таинственными клеймами, везутъ распоровшіеся, бурые, безобразно-пузатые тюки бухарскаго хлопка, везутъ слитки олова и мѣди. Немилосердно терзаетъ ухо бѣшеный лязгъ и трескъ желѣзныхъ брусьевъ и шинъ. Тянутся возы съ бочками бакалеи, сахарныхъ головъ, кофе. Разомъ обдадутъ зловоніемъ телѣги съ кожами. И все это облито солнцемъ и укутано пылью. Кому-то нуженъ этотъ товаръ; «городъ» хоронитъ его и распредѣляетъ по всей странѣ. Деньги, векселя, цѣнныя бумаги точно рѣютъ промежду товара въ этомъ рыночномъ воздухѣ, гдѣ все жаждетъ наживы, гдѣ дня нельзя продышать безъ того, чтобы не продать и не купить.

На возахъ и въ обозахъ, рядомъ и позади телѣгъ, ломовой, въ измятой шляпенкѣ или засаленномъ картузѣ,

съ мощной спиной, въ красной жилеткѣ и пудовыхъ сапогахъ, шагаетъ съ переваломъ невозмутимо-стойко, съ трудовой лѣнью, покрикивая, ругаясь, похлестываетъ кнутомъ своего чалаго, широкогрудаго и всегда опоеннаго мерина, подъ раскрашенной дугой. Вотъ лучъ солнца, точно отдѣлившись отъ огненнаго своего снопа, пронизываетъ облако пыли и падаетъ на возъ съ чѣмъ-то темнымъ и рыхлымъ, прикрытымъ рогожей, насквозь промоченной и обтрепанной по краямъ. На возу покачивается парень безъ шапки, съ желтыми, плоскими волосами, красный, въ веснушкахъ, въ пестрядинной рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, открывающимъ бѣлую грудь и мѣдный тѣльникъ. Глаза его жмурятся отъ солнца и удовольствія. Онъ широко растянулъ ротъ и засовываетъ въ него кусокъ папушника, держа его обѣими руками. На папушникъ намазана желтая икра, перемѣшанная съ кусочками крошенаго лука, промозгло-соленая, тронутая тепломъ. Но глаза парня совсѣмъ закатились отъ наслажденія. Онъ облизывается и вкусно чмокаетъ, а тѣмъ временемъ незамѣтно сползаетъ все по скользкой и смрадной рогожкѣ. Съ воза обдаетъ его гнилью и газами разложенія. Зубы щелкаютъ, щеки раздулись; онъ обѣдаетъ сладко и вдосталь.

А за нимъ, снизу отъ Ножовой Линіи, сбоку изъ Черкасскаго переулка, сверху отъ Ильинскихъ воротъ ползетъ товаръ, и надъ этой колышущейся полосой изъ лошадей, экипажей, возовъ, людскихъ головъ стоитъ стонъ; рубль купца, спина мужика поютъ свою нескончаемую пѣсню . . .

У биржи полегоньку собираются мелкіе «зайцы» — жидки, восточники, шустрые маклаки изъ ярославцевъ, греки . . . Два жандарма, поставленные тутъ за тѣмъ, чтобы не было толкотни и недозволеннаго торга и чтобы именитые купцы могли безпрепятственно подъѣзжать, похаживаютъ и, нѣтъ-нѣтъ, да и ткнутъ въ воздухъ рукой. Но дѣла идутъ своимъ порядкомъ. И на тротуарѣ, и около легковыхъ извозчиковъ, на площади и ниже, къ старымъ рядамъ, стоятъ кучки; юркіе чуйки и пальто

перебѣгаютъ отъ одной группы къ другой. Двое смѣльчаковъ присосѣдились даже къ жирандоли около колоннъ тяжелаго фронтона. Потомъ они отошли къ углу дома Троицкаго подворья, стали въ двухъ шагахъ отъ подъѣзда и продолжали свои переговоры. Они со всѣхъ сторонъ были освѣщены. Одинъ, въ бѣлой папахѣ и длинной черкескѣ желтобураго цвѣта, при кинжалѣ и въ узкихъ штанахъ съ позументомъ, глядѣлъ на своего собесѣдника-скопца разбойничьими, круглыми и глупыми глазами и все дергалъ его за бортъ длиннаго сюртука. Скопецъ немного подавался назадъ, про себя вздыхалъ и часто вскидывалъ глазами кверху.

Кругомъ мальчишки выкрикивали уличный товаръ. Куски краснаго арбуза вырѣзывались издали. А тамъ вонъ, на лоткахъ — золотистыя кисти винограда, вперемежку съ темнокраснымъ, наливнымъ, крымскимъ, величиной въ добрую сливу, и съ подрумяненной антоновкой. Разносчики газетъ забѣгали съ тротуара на средину площади и совали прихожимъ подъ носъ номера листковъ съ яркими заглавными карикатурами. Парфюмерный магазинъ, съ нарядным подъѣздомъ и щеголеватой вывѣской придавалъ нижнему этажу монументальнаго дома богатыхъ монаховъ европейскій видъ. На углу куполъ башни, въ новомъ заграничномъ стилѣ, прихорашивалъ всю эту кучу тяжелыхъ, приземистыхъ каменныхъ ящиковъ, уходилъ въ небо, напоминая каждому, что старыя времена прошли, пора пускать и приманку для глазъ, давать архитекторамъ хорошія деньги, чтобы весело было господамъ купцамъ платить за трактиры и лавки.

А тамъ, дальше, виднѣлся кусокъ теплыхъ «рядовъ». Лѣстница съ аркой, переходы, мостики, широкія окна манили покупателя прохладой лѣтомъ, убѣжищемъ отъ дождя и тепломъ въ трескучіе морозы. Узкій переулокъ уходилъ вдоль, къ Никольской, точно коридоръ съ низкимъ, въ одинъ этажъ, корпусомъ, по лѣвую руку. Церковь съ старинными очертаніями главъ и реберъ крыши выглядывала сбоку изъ-за домовъ. Вся небольшая площадь улыбалась точно ядреная купчиха, надѣвшая всѣ свои кольца и серьги; только на волосахъ у ней «головка»,

а остальное все по модѣ, куплено у нѣмца, и дорогой цѣной. Свѣтъ особенно ласково игралъ въ зеркальныхъ стеклахъ дома, гдѣ нѣтъ кое-какихъ лавокъ, а каждое помѣщеніе оплачивается многими тысячами. Домъ, сдавленный, четырехъэтажный, по цвѣту какъ будто изъ цѣльнаго камня, не испортилъ бы и лондонскій Чипсайдъ или гамбургскій Юнгферншгигъ. Онъ смотритъ на своего сосѣда и радуется. Такого сосѣдства не стыдно. Но тамъ все-таки трактиръ, служатъ молодцы въ рубашкахъ; а въ немъ все на благородный аршинъ и покрой. Швейцары въ ливреяхъ, массивныя двери, чугунныя лѣстницы, глянцовитыя конторки, за конторками тихій, благообразный и выученый народъ, хоть въ любой всемірноизвѣстный домъ, хоть къ самому Ротшильду. Правда, деньги на рукахъ у артельщиковъ; но артельщики сидятъ за рѣшетками, ихъ не видно, да и они по благообразію подходятъ къ дубовымъ рамамъ съ блистающими стеклами.

Только въ одномъ углу площади запоздалые мостовщики разворотили цѣлыхъ полдесятины, стѣсняютъ ѣзду и шутливо перекликаются съ ломовыми и кучерами. Они отдѣлили себя бечевкой и полдничаютъ, сидя на кучѣ голышей вокругъ деревянной чашки, куда они въ квасъ накрошили огурцовъ, луку, вяленой рыбы, и хлебаютъ не спѣша, вытянувши ноги, окутанныя въ тряпки поверхъ лаптей. Имъ любо! Солнышко щекочетъ имъ загривки. Дождя, знать, не будетъ до ночи, и то слава Богу!

Боборыкинъ.

82. Кремль.

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, а ночная красавица полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ кроткимъ своимъ свѣтомъ и небеса и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ, если хотите испытать этотъ неизъяснимо сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій: ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ, сядьте на одну изъ

скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поздно вечеромъ вы никого не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извозчики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный говоръ всего Замоскворѣчья какъ будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко, вы выше всего этого. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ, внизу густая тѣнь легла на все Замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки, и всѣ дома подернулись туманомъ. Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ, облитыя свѣтомъ главы соборовъ блестятъ попрежнему, и позлащенный крестъ Ивана Великаго горитъ яркою звѣздою въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя: какъ стройно и величаво подымаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнныя тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ! О, какъ эта торжественная тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема царей русскихъ и въ двухъ шагахъ ихъ скромныя гробницы, — какъ это все отрываетъ васъ отъ земли, тушитъ ваши страсти, умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Внизу все еще движенье и суета, люди или хлопочутъ о дѣлахъ своихъ, или помогаютъ другъ другу убивать время; а здѣсь все тихо, все спокойно, и все также живетъ, но только другою жизнью. Эти высокія стѣны, древнія башни и царскіе терема не безмолвны; они говорятъ вамъ о быломъ, они воскрешаютъ въ душѣ вашей память о вѣкахъ давно прошедшихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ — и бѣдствія и славу вашихъ предковъ, ихъ страданія, ихъ частыя смуты и всегдашнюю вѣру въ Провидѣніе, которое, такъ быстро,

такъ дивно возвеличивъ Россію, хранить ее, какъ избранное орудіе, для совершенія неисповѣдимыхъ судебъ своихъ. Здѣсь вы окружены древней русской святынею, вы бесѣдуете съ нею о небесной вашей родинѣ. Какъ прилипшій прахъ, душа ваша отрясаетъ съ себя всѣ земные помыслы. Мысль о безконечномъ даетъ ей крылья, и она возносится туда, гдѣ не станутъ уже дѣлить людей на поколѣнія и народы, гдѣ не будетъ уже ни вѣковъ, ни времени, ни плача, ни страданій. Загоскинъ.

83. Василій Шибановъ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ —
Какъ быть среди ночи туманной?
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Свово отдаетъ воеводѣ коня:
«Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану!»

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа,
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Недаромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
«Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!»

Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно къ царю напишу,
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо!»

И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышитъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ,
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ, когда занялася заря,
Поспѣло, ему на отраду,
Посланіе, полное яду.

Но кто жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно сомнѣнья на князя нашли . . .
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
«Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье!»
Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки!»

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
Царь, въ смирной одеждѣ, трезвонитъ.
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опрични кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,

И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ, Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье —
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
«Отъ Курбскаго, князя Андрея!»

И очи царя загорѣлися вдругъ:
«Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова!»
— «Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!»
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль — и внимаетъ:

«Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй, не ими ль средь тяжкой войны
Безъ счета твердыни враговъ сражены?
Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?

«Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный,
И азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ,
За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ Судьею предстану!»
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,
И всѣ, въ ожиданьи, молчали.

И молвилъ такъ царь: «Да, бояринъ твой правъ,
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я песъ недостойный и смрадный!
Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!»

Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ къ другу приходятъ на смѣну.
«Товарищей Курбскаго ты уличи,
Открой ихъ собачью измѣну!»
И царь вопрошаетъ: «Ну что же гонецъ?
Назвалъ ли онъ вора друзей наконецъ!»
— «Царь, слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!»

День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрипятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять началася работа.
«Ну что же? Назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?»
— «Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!»

«О, князь, ты, который предать меня могъ
За сладостный мигъ укоризны,
О, князь, я молю, да проститъ тебѣ Богъ
Измѣну твою предъ отчизной!

Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
Но въ сердцѣ любовь и прощенье —
Помилуй мои прегрѣшенья!

«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Прости моего господина!
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
Но слово мое все едино:
За грознаго, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь —
И твердо жду смерти желанной!»
Такъ умеръ Шибановъ, стремянный. А. Толстой.

84. Тройка.

Какой русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «Чортъ пебери все!» его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны.

Эхъ, тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ,

да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась! . . . И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади! Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ одни вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ! . . . Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

Гоголь.

85. Отчизна.

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю самъ —
Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,

Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень;
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи ночующій обозъ,
И на холмѣ средь желтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ. Лермонтовъ.

86. Русь.

Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства — города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая не-

постижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи? . . . И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь въ глубинѣ моей; неестественною властью освѣтились мои очи . . . У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь! . . .

Гоголь.

87. Родина.

Надъ нѣмымъ пространствомъ чернозема,
Словно уголь, вырѣзаны въ тверди —
Темныхъ избъ подгнившая солома,
Старыхъ крышъ разобранныя жерди.

Солнце грустно въ тучи опустилось,
Не дрожитъ печальная осина,
Въ мутной лужѣ небо отразилось,
И на всемъ — знакомая кручина . . .

Каждый разъ, когда смотрю я въ поле,
Я люблю мою родную землю;
Хорошо и грустно мнѣ до боли, —
Словно тихой жалобѣ я внемлю.

Въ сердцѣ — миръ, печаль и безмятежность,
Умолкаетъ жизненная битва, —
А въ груди задумчивая нѣжность
И простая дѣтская молитва.

Мережковскій.

88. Весенняя молитва.

Былъ я осрамленъ въ губерніи; но мало въ сравненіи предъ тѣмъ, сколь дома сегодня остыженъ, какъ школьникъ. Вчера только вписалъ я мои нотатки о моихъ

скорбяхъ и недовольствахъ, а сегодня, вставъ рано, сѣлъ у окна и, размышляя о дѣлахъ своихъ и о прошедшемъ своемъ, и о будущемъ, глядѣлъ на раскрытую предъ окномъ моимъ бакшу полунищаго Пизонскаго. Прошлый годъ у него на грядахъ нѣкая дурочка Настя, обольщенная проходящимъ солдатомъ, родила младенца и сама, кинувшись въ воду, утонула. Пизонскій въ одинокой старости своей призрѣлъ сего младенца, и о семъ всѣ позабыли; позабылъ и я во главѣ прочихъ. Но утромъ днесь поглядаю свысока на землю сего Пизонскаго, да думаю о дѣлахъ своихъ, какъ вдругъ начинаю замѣчать, что эта, свѣжевзорванная черная, даже какъ бы синеватая земля, необыкновенно какъ красиво нѣжится подъ утреннимъ солнцемъ, и ходятъ по ней бороздами въ блестящемъ перѣ тощія черныя птицы и свѣжимъ червемъ подкрѣпляютъ свое голодное тѣло. Самъ же старый Пизонскій, весь съ лысой головы своей озаренный солнцемъ, стоялъ на лѣстницѣ у утвержденнаго на столбахъ разсадника и, имѣя въ одной рукѣ чашу съ сѣменами, другою погружалъ зерна, кладя ихъ щепотью крестообразно и глядя на небо, съ опущеніемъ каждаго зерна, взывалъ по одному слову: «Боже! устрой и умножь, и возрасти на всякую долю человѣка голоднаго и сираго, хотящаго, просящаго и произволящаго, благословляющаго и неблагодарнаго», и едва онъ сіе кончилъ, какъ вдругъ всѣ ходившія по пашнѣ черныя глянцевитыя птицы вскричали, закудахтали куры и запѣлъ, громко захлопавъ крыльями, горластый пѣтухъ, а съ рогожи сдвинулся тотъ, принятый симъ чудакомъ, мальчикъ, сынъ дурочки Насти; онъ дѣтски отрадно засмѣялся, руками всплескалъ и, смѣясь, поползъ по мягкой землѣ. Было мнѣ все это точно видѣнье. Старый Пизонскій былъ счастливъ и громко запѣлъ: «Аллилуія!» Аллилуія, Боже мой! запѣлъ и я себѣ отъ восторга, и умиленно заплакалъ. Въ этихъ цѣлебныхъ слезахъ я облегчилъ мои досажденія и понялъ, сколь глупа была скорбь моя, и долго послѣ дивился, какъ дивно врачуетъ природа недуги души человѣческой! Умножь и возрасти, Боже, благая на земли на всякую долю: на хотящаго, просящаго, на *произволящаго* и *неблагодарнаго* . . . Я

никогда не встрѣчалъ такой молитвы въ печатной книгѣ. Боже мой, Боже мой! этотъ старикъ садилъ на долю вора и за него молился! Это, можетъ быть, гражданскою критикой не очищается, но это ужасно трогаетъ. О моя мягкосердечная Русь, какъ ты прекрасна! Лѣсковъ.

89. Молитва.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердцѣ грусть —
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьѣ словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души, какъ бремя, скатится
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко. Лермонтовъ.

90. Легенда о Марко.

Въ лѣсу надъ рѣкой жила фея.
Въ рѣкѣ она часто купалась;
Но разъ, позабывъ осторожность,
Въ рыбацкія сѣти попалась.
Ея рыбаки испугались . . .
Но былъ съ ними юноша Марко:
Схватилъ онъ красавицу фею
И сталъ цѣловать ее жарко.
А фея, какъ гибкая вѣтка,
Въ могучихъ рукахъ извивалась,
Да въ Марковы очи глядѣла
И тихо чему-то смѣялась . . .
Весь день она Марко ласкала;
А какъ только ночь наступила,
Пропала веселая фея;
У Марко душа загрустила . . .
И дни ходитъ Марко и ночи
Въ лѣсу надъ рѣкою Дунаемъ,

Все ищетъ, все стонетъ: «Гдѣ фея?»
А волны смѣются: «Не знаемъ».
Но онъ закричалъ имъ: «Вы лжете!
Вы сами играете съ нею!»
И бросился юноша глупый
Въ Дунай, чтобъ найти свою фею.
Купается фея въ Дунаѣ,
Какъ раньше до Марко купалась;
А Марко ужъ нѣту . . . Но все же
О Марко хоть пѣсня осталась.
. . . . . .
А вы на землѣ проживете,
Какъ черви слѣпые живутъ:
Ни сказокъ про васъ не разскажутъ,
Ни пѣсенъ про васъ не споютъ. Горькій.

91. Лѣсъ рубятъ.

Лѣсъ рубятъ . . . молодой, нѣжно-зеленый лѣсъ!
А сосны старыя понурились угрюмо,
И полны тягостной неразрѣшимой думы,
Безмолвныя глядятъ въ нѣмую даль небесъ.

Лѣсъ рубятъ; потому ль, что рано онъ шумѣлъ,
Что на зарѣ будилъ уснувшую природу?
Что молодой листвой онъ слишкомъ рано пѣлъ
Про солнце, счастье и свободу?

Лѣсъ рубятъ . . . но земля укроетъ сѣмена:
Пройдутъ года и мощной жизни силой
Поднимется березъ зеленая стѣна —
И снова зашумитъ надъ братскою могилой!
Галина.

92. Огонькй.

Какъ-то давно, темнымъ осеннимъ вечеромъ, случилось мнѣ плыть по угрюмой сибирской рѣкѣ. Вдругъ, на поворотѣ рѣки, впереди, подъ темными горами мелькнулъ огонекъ.

Мелькнулъ ярко, сильно, совсѣмъ близко . . .

— Ну, слава Богу! — сказалъ я съ радостью, — близко ночлегъ!

Гребецъ повернулся, посмотрѣлъ черезъ плечо на огонь и опять апатично налегъ на весла.

— Далече!

Я не повѣрилъ: огонекъ такъ и стоялъ, выступая впередъ изъ неопредѣленной тьмы. Но гребецъ былъ правъ: оказалось, дѣйствительно, далеко.

Свойство этихъ ночныхъ огней — приближаться, побѣждая тьму, и сверкать, и обѣщать, и манить своею близостью. Кажется, вотъ-вотъ еще два-три удара весломъ, — и путь конченъ . . . А между тѣмъ — далеко! . . .

А долго еще мы плыли по темной, какъ чернила, рѣкѣ. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назадъ и теряясь, казалось, въ безконечной дали, а огонекъ все стоялъ впереди, переливаясь и маня, — все такъ же близко, и все такъ же далеко . . .

Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше и послѣ манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко . . . И опять приходится налегать на весла . . .

Но все-таки . . . все-таки впереди — огни! . . .

Короленко.

93. Внимая ужасамъ войны.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя.
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна, —
Она до гроба помнить будетъ.
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы —
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Некрасовъ.

94. Другъ мой, братъ мой . . .

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь: —
Вѣрь, настанетъ пора — и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ, —
Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись, — зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой, —
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,
Очи, полныя скорбной мольбой! . .

Надсонъ.

95. Война, не вражда.

Мнѣ странно подумать, что трезвые люди
Способны затѣять войну.
Я весь — въ созерцательномъ радостномъ чудѣ,
У ласковой мысли въ плѣну.

Мнѣ странно подумать, что люди враждуютъ,
Я каждому радъ уступить.
Мечты мнѣ смѣются, любовно колдуютъ,
И ткутъ золотистую нить.

Настолько исполненъ я ихъ ароматомъ,
Настолько чужда мнѣ вражда,

Что, если бъ въ сраженіи былъ я солдатомъ,
Спокойно бъ стрѣлялъ я тогда.

Стрѣлялъ бы я мѣтко, изъ честности бранной,
Но вѣрилъ бы въ жизнь глубоко.
Безъ гнѣва, безъ страха, безъ злобы обманной,
Убилъ бы и умеръ легко.

И зналъ бы, убивши, легко умирая,
Что все же мы братья сейчасъ,
Что это ошибка, ошибка чужая
На мигъ затуманила насъ.

Бальмонтъ.

96. Послѣдняя война.

Свершилось. Рокъ рукой суровой
Приподнялъ завѣсу временъ.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикій сонъ.

Покрывъ столицу и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По нажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война.

И все, о чемъ съ безплоднымъ жаромъ
Пугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.

Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣсненныхъ
Не голосъ ли надеждъ возникъ?
Призывъ племенъ порабощенныхъ
Врывается въ военный крикъ.

Подъ топотъ армій, громъ орудій,
Подъ ньюпоровъ гудящій летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ.

Такъ! слишкомъ долго мы коснѣли
И длили Валтассаровъ пиръ!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображенный выйдетъ міръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строенье шаткое вѣковъ; —
Въ невѣрномъ озареньи славы
Грядущій міръ да будетъ новъ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы; —
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

Брюсовъ.

97. Чтеніе.

Литература изъ-подъ кровати сослужила мнѣ великую службу: я завоевалъ себѣ право брать журналы въ кухню и получилъ возможность читать ночами.

На мое счастье, старуха перешла спать въ дѣтскую, — запоемъ запила нянька. Викторушка не мѣшалъ мнѣ. Когда всѣ въ домѣ засыпали, онъ тихонько одѣвался и до утра исчезалъ куда-то. Огня мнѣ не давали, унося свѣчку въ комнаты, денегъ на покупку свѣчъ у меня не было; тогда я сталъ тихонько собирать сало съ подсвѣчниковъ, складывалъ его въ жестянку изъ-подъ сардинъ, подливалъ туда лампаднаго масла, и скрутивъ свѣтильню изъ нитокъ, зажигалъ по ночамъ на печи дымный огонь.

Когда я перевертывалъ страницу огромнаго тома, — красный язычокъ свѣтильни трепетно колебался, грозя погаснуть, свѣтильня ежеминутно тонула въ растопленной, пахучей жидкости, дымъ ѣлъ глаза, но всѣ эти неудобства исчезали въ наслажденіи, съ которымъ я разсматривалъ иллюстраціи и читалъ объясненія къ нимъ.

Эти иллюстраціи раздвигали предо мною землю все шире и шире, украшая ее сказочными городами, показывая мнѣ высокія горы, красивые берега морей. Жизнь чудесно разрасталась, земля становилась заманчивѣе, богаче людьми, обильнѣе городами и всячески разнообразнѣе. Теперь глядя въ заволжскія дали, я уже зналъ, что тамъ нѣтъ пустоты, а прежде, бывало, смотришь за Волгу, становится какъ-то особенно скучно: плоско

лежатъ луга, въ темныхъ заплатахъ кустарника, на концѣ луговъ зубчатая черная стѣна лѣса, надъ лугами — мутная, холодная синева. Пусто на землѣ, одиноко. И сердце тоже пустѣетъ, тихая грусть щекочетъ его, всѣ желанія исчезаютъ, думать — не о чемъ, хочется закрыть глаза. Ничего не обѣщаетъ унылая пустота, высасывая изъ сердца все, что тамъ есть.

Объясненія къ иллюстраціямъ понятно разсказывали про иныя страны, иныхъ людей, говорили о разныхъ событіяхъ въ прошломъ и настоящемъ; я многаго не могу понять и это меня мучаетъ. Иногда въ мозгъ вонзаются какія-то странныя слова — «метафизика», «хиліазмъ», «чартистъ» — они нестерпимо безпокоятъ меня, растутъ чудовищно, все заслоняютъ и мнѣ кажется, что я никогда не пойму ничего, если мнѣ не удастся открыть смыслъ этихъ словъ, — именно они стоятъ сторожами на порогѣ всѣхъ тайнъ. Часто цѣлыя фразы долго живутъ въ памяти, какъ заноза въ пальцѣ, мѣшая мнѣ думать о другомъ.

Помню, я прочиталъ странные стихи: — Въ сталь закованъ, по безлюдью, Нѣмъ и мраченъ, какъ могила, Ѣдетъ гунновъ царь, Атилла, — за нимъ черною тучею идутъ воины и кричатъ: — Гдѣ же Римъ, гдѣ Римъ могучій? — Римъ — городъ, это я уже зналъ, но кто такіе — гунны? Это необходимо знать. Выбравъ хорошую минуту, я спрашиваю хозяина. — Гунны? — удивленно повторяетъ онъ. — Чортъ знаетъ, что это такое! Ерунда, навѣрное . . . И неодобрительно качаетъ головою. — Чепуха кипитъ въ головѣ у тебя, это плохо, Пѣшковъ!

Плохо ли, хорошо ли, но я хочу знать.

Мнѣ кажется, что полковому священнику Соловьеву должно быть извѣстно — что такое гунны, и, поймавъ его на дворѣ, я спрашиваю. Блѣдный, больной и всегда сердитый, съ красными глазами, безъ бровей, съ желтой бородкой, онъ говоритъ мнѣ, тыкая въ землю чернымъ посохомъ: — А тебѣ какое дѣло до этого, а?

Поручикъ Нестеровъ на мой вопросъ свирѣпо отвѣтилъ: — Что-о?

Тогда я рѣшилъ, что о гуннахъ нужно спросить въ

аптекѣ у провизора; онъ смотритъ на меня всегда ласково, у него умное лицо, золотые очки на большомъ носу. — Гунны, — сказалъ мнѣ провизоръ Павелъ Гольдбергъ, — были кочевымъ народомъ, вродѣ киргизъ. Народа этого больше нѣтъ, весь вымеръ.

Мнѣ стало грустно и досадно — не потому, что гунны вымерли, а оттого, что смыслъ слова, которое меня такъ долго мучало, оказался столь простымъ и ничего не далъ мнѣ. Но я очень благодаренъ гуннамъ, — послѣ столкновенія съ ними, слова стали меня меньше безпокоить, и благодаря Атиллѣ я познакомился съ провизоромъ Гольдбергомъ. Этотъ человѣкъ зналъ простой смыслъ всѣхъ мудрыхъ словъ, у него были ключи ко всѣмъ тайнамъ. Поправивъ очки двумя пальцами, онъ пристально смотрѣлъ сквозь толстыя стекла въ глаза мнѣ и говорилъ, словно мелкіе гвозди вбивая въ мой лобъ.

— Слова, дружище, это — какъ листья на деревѣ и, чтобы понять, почему листъ таковъ, а не иной, — нужно знать, какъ растетъ дерево — нужно учиться! Книга, дружище, какъ хорошій садъ, гдѣ все есть: и пріятное, и полезное . . .

Я часто бѣгалъ къ нему въ аптеку за содой и магнезіей для взрослыхъ, которые постоянно страдали «изжогой», за бобковой мазью и слабительными для младенцевъ. Краткія поученія провизора внушали мнѣ все болѣе серьезное отношеніе къ книгамъ и незамѣтно онѣ стали необходимыми для меня, какъ пьяницѣ водка.

Онѣ показывали мнѣ иную жизнь — жизнь большихъ чувствъ и желаній, которыя приводили людей къ подвигамъ и преступленіямъ. Я видѣлъ, что люди, окружавшіе меня, не способны на подвиги и преступленія, они живутъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ всего, о чемъ пишутъ книги, и трудно понять — что интереснаго въ ихъ жизни? Я не хочу жить такой жизнью . . . Это мнѣ ясно, — не хочу . . .

Изъ поясненій къ рисункамъ я зналъ, что въ Прагѣ, Лондонѣ и Парижѣ нѣтъ среди города враговъ и грязныхъ дамбъ изъ мусора, тамъ прямыя широкія улицы, иные дома и церкви. Тамъ нѣтъ шестимѣсячной зимы,

которая запираетъ людей въ домахъ, нѣтъ Великаго поста, когда можно ѣсть только квашенную капусту, соленые грибы, толокно и картофель, съ противнымъ льнянымъ масломъ. Великимъ постомъ — нельзя читать книгъ, у меня отобрали «Живописное Обозрѣніе», и эта пустая, постная жизнь снова подошла вплоть ко мнѣ. Теперь, когда я могъ сравнить ее съ тѣмъ, что зналъ изъ книгъ, она казалась мнѣ еще болѣе нищей и безобразной. Читая, я чувствовалъ себя здоровѣе, сильнѣе, работалъ споро и ловко, у меня была цѣль: чѣмъ скорѣе кончу, тѣмъ больше останется времени для чтенія. Лишенный книгъ, я сталъ вялымъ, лѣнивымъ, меня начала одолѣвать незнакомая мнѣ раньше болѣзненная забывчивость.

Горькій.

98. Литература.

Образованнымъ человѣкомъ называется тотъ, кто пріобрѣлъ много знаній и, кромѣ того, привыкъ быстро и вѣрно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, или, какъ выражаются однимъ словомъ, привыкъ «мыслить», и, наконецъ, у кого понятія и чувства получили благородное и возвышенное направленіе, то-есть пріобрѣли сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Всѣ эти три качества — обширныя знанія, привычка мыслить и благородство чувствъ — необходимы для того, чтобы человѣкъ былъ образованнымъ въ полномъ смыслѣ слова. У кого мало познаній, тотъ невѣжда; у кого умъ не привыкъ мыслить, тотъ грубъ или тупоуменъ; у кого нѣтъ благородныхъ чувствъ, тотъ человѣкъ дурной.

Въ дѣтствѣ, въ первую пору молодости, человѣкъ учится въ школахъ: уроки наставниковъ имѣютъ ту цѣль, чтобы сдѣлать юношу образованнымъ человѣкомъ. Но когда онъ выходитъ изъ школы, перестаетъ учиться, его образованіе поддерживается чтеніемъ, то-есть вмѣсто прежнихъ наставниковъ, которыхъ слушалъ мальчикъ и юноша, взрослый человѣкъ имѣетъ одну наставницу — литературу.

Чернышевскій.

99. Сѣятелямъ.

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь безплодную?
Худы ль твои сѣмена?
Робокъ ли сердцемъ ты? слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами?
Гдѣ же вы съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ . . .

Некрасовъ.

100. Русскій языкъ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома? — Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Тургеневъ.

Содержаніе.

1. Волкъ и журавль. *По Эзопу.* 3
2. Воронъ и лисица. *По Эзопу* 3
3. Стрекоза и муравьи. *По Эзопу.* 4
4. Муха. *Дмитріева* 4
5. Лиса и ракъ. *Народная сказка.* 4
6. Конь и быкъ. *По Лессингу* 4
7. Дикій и ручной оселъ. *Л. Толстого* 5
8. Старый левъ и оселъ. *Л. Толстого* 5
9. Ежъ и ужъ. *Л. Толстого* 5
10. Олень. *Л. Толстого* 6
11. Мыши. *Л. Толстого* 6
12. Нищій и собака. *Дмитріева* 7
13. Лошадь и хозяева. *Л. Толстого* 7
14. Лиса и козелъ. *Л. Толстого* 8
15. Два рака. *Измайлова* 8
16. Дубъ и орѣшникъ. *Л. Толстого* 9
17. Дикій цвѣтокъ. *Дмитріева* 9
18. Срубленное дерево. *С. Аксакова* 10
19. Два колосика. *Жуковскаго* 10
20. «Ахъ, кабы на цвѣты». *Народная пьеня* 11
21. Лгунъ. *Л. Толстого* 11
22. Лѣстница. *Измайлова* 11
23. Мужикъ и водяной. *Л. Толстого.* 12
24. Мать и дочь. *Л. Толстого* 12
25. «Зеленѣйся, садъ!» *Народная пьеня* 13
26. Слѣпой и мужикъ. *Л. Толстого* 13
27. Бѣдный портной. *Л. Толстого* 14
28. «Мы вокругъ поля ходили». *Народная пьеня* 14
29. Справедливый царь. *Л. Толстого.* 15
30. Жаворонокъ. *Жуковскаго.* 16
31. Чудо на мельницѣ. *Народная легенда* 16
32. Счастье. *Даля.* 18
33. Утка, какъ мать. *С. Аксакова* 19
34. Чадолюбіе медвѣдицы. *Даля* 19
35. Воробей. *Тургенева* 20
36. Зерно съ куриное яйцо. *Л. Толстого.* 23
37. Лебедь, щука и ракъ. *Крылова* 24
38. Свинья подъ дубомъ. *Крылова* 24
39. Мартышка и очки. *Крылова* 25
40. Квартетъ. *Крылова* 26
41. Двѣ бочки. *Крылова.* 27
42. Тришкинъ кафтанъ. *Крылова.* 27
43. Ларчикъ. *Крылова.* 28
44. Вельможа. *Крылова* 29
45. Три мужика. *Крылова* 30
46. Демьянова уха. *Крылова.* 31
47. Дѣтство. *Л. Толстого* 34
48. Казачья колыбельная пѣсня. *Лермонтова.* 35
49. Сонъ Обломова. *Гончарова* 35

50. О, моя юность! *Гоголя* 45
51. Зимній вечеръ. *Пушкина* 47
52. Ванька. *Чехова* 47
53. Мужичокъ съ ноготокъ. *Некрасова* 51
54. Мальчикъ у Христа на елкѣ. *Достоевскаго* 52
55. Лишнія веревочки. *Сологуба* 56
56. «Ходитъ Спѣсь». *А. Толстого* 58
57. Кисель. *Салтыкова* 58
58. Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ. *Короленко* 60
59. Изъ Гёте. *Лермонтова* 66
60. Тоска. *Чехова* 66
61. Надъ свѣжей могилой. *Надсона* 72
62. Могила сына. *Тургенева* 72
63. «Не шуми ты, рожь». *Кольцова* 73
64. «Вырыта заступомъ». *Некрасова* 74
65. Кусака. *Андреева* 82
66. Перепелка. *Тургенева* 82
67. Птичка. *Пушкина* 87
68. Ловля птицъ. *Горькаго* 87
69. «Звѣзды ясныя». *Фофанова* 92
70. Украинская степь. *Гоголя* 93
71. Цыганы. *Пушкина* 95
72. Туча. *Пушкина* 96
73. Днѣпръ. *Гоголя* 96
74. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. *Пушкина* 97
75. Ночлегъ въ деревнѣ. *Никитина* 100
76. Деревня. *Тургенева* 100
77. «Эти бѣдныя селенья». *Тютчева* 102
78. Раздумье селянина. *Кольцова* 103
79. Дорога. *Гоголя* 103
80. Лѣсъ и степь. *Тургенева* 104
81. Китай-городъ. *Боборыкина* 110
82. Кремль. *Загоскина* 114
83. Василій Шибановъ. *А. Толстого* 116
84. Тройка. *Гоголя* 120
85. Отчизна. *Лермонтова* 121
86. Русь. *Гоголя* 122
87. Родина. *Мережковскаго* 123
88. Весенняя молитва. *Лѣскова* 123
89. Молитва. *Лермонтова* 125
90. Легенда о Марко. *Горькаго* 125
91. «Лѣсъ рубятъ». *Галиной* 126
92. Огоньки. *Короленко* 126
93. «Внимая ужасамъ войны». *Некрасова* 127
94. «Другъ мой, братъ мой». *Надсона* 128
95. Война, не вражда. *Бальмонта* 128
96. Послѣдняя война. *Брюсова* 129
97. Чтеніе. *Горькаго* 130
98. Литература. *Чернышевскаго* 133
99. Сѣятелямъ. *Некрасова* 134
100. Русскій языкъ. *Тургенева* 134